

A man in a brown trench coat and hat, looking serious and injured. He has a bloody wound on his forehead. The background is dark and blurry.

Георгий Крылов

**Что
происходит?
Куда я попал?**

18+

Георгий Крылов

Что происходит? Куда я попал?

«Автор»

2023

Крылов Г.

Что происходит? Куда я попал? / Г. Крылов — «Автор», 2023

Мне на голову упала сосулька. Из-за этого я оказался в другом мире. Мир жестокий. После апокалипсиса. Бандиты, монстры, и второй шанс. Дальше все зависит только от меня. Только я решаю кем быть в новой жизни. Ведь новая жизнь — это тот шанс, о котором я мечтал. А об этом ли я мечтал? Может лучше пусть все окажется страшным сном? Для обложки использовалась генерация нейросети Kandinsky 2.2

Содержание

Глава 1 Смерть/жизнь	5
Глава 2 Драка драке рознь	10
Глава 3 Команда	15
Глава 4. Джули	20
Глава 5. Внешность обманчива	26
Глава 6. Начало	31
Глава 7. Пустой город	36
Глава 8. Черта	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Георгий Крылов

Что происходит? Куда я попал?

Глава 1 Смерть/жизнь

Умирать не хотелось. Никогда раньше не понимал ценности жизни, а когда подошёл к черте, за которой был её финал, то понял: она мне дорога. Вот так просто дорога без каких-либо условностей. Мне нравилась моя пустая жизнь, которую при желании можно было наполнить смыслом, а я почему-то этого не делал. Вместо того чтоб жить, я плыл по течению и удивлялся, почему течение не привело меня к нужному берегу.

Если бы удалось вернуться, то я всё изменил бы. Изменился бы сам. Ушёл с пустой работы, перестал бы общаться с людьми, которые мне были противны. Перестал бы слушать чужие советы и вестись на них, забывая думать самостоятельно. Я хотел сам управлять своей жизнью и умирать с ощущением удовлетворённости от прожитых лет. Я хотел этого, но второго шанса не было.

Глупая смерть. Вышел за хлебом и получил сосулькой по голове. Никогда не любил снег. И почему я не уехал туда, где его не было? Почему оставался там, где мне не нравилось? Оглядываясь назад, я не мог этого понять. Всю жизнь подстраиваться под интересы других, забывая о себе, и сожалеть об упущенных годах – это личный ад, которому никому желать не хотелось.

Второй шанс. Он был мне нужен. Не для того, чтоб купить машину, на которую я почти накопил. Не для того, чтоб обзавестись своим домом. Не для того, чтоб уехать на юг. Я хотел доказать себе, что всё зависит от меня. Что я не просто так тратил отмеренные мне годы. Я хотел второй шанс, чтоб понять себя. Узнать, из какого теста я сделан. Если и второй раз я останусь таким же пустым и не значимым человеком, то я смирюсь с этим. Пока же я был не готов умирать, не узнав толком жизнь.

Темнота. Дышать было сложно. Боль. Если есть боль, значит, есть жизнь. На том свете болеть ничего было не должно. Я открыл глаза. Кричал ребёнок. Всё вокруг крутилось и кружилось. Я никак не мог сфокусировать взгляд. Усталые женские глаза. Её улыбка. Похоже, второй шанс мне всё же дали. Жаль, что придётся начинать уж от самого рождения. С буквального нуля...

В прошлой жизни я был высоким парнем. Метр девяносто. Меня даже в баскетбол приглашали играть, но я не пошёл. Мама тогда надеялась, что я стану музыкантом, а музыканту руки нужно было беречь. После музыкальной школы я о музыке забыл напрочь. Пошёл на экономиста учиться. Вроде мог бы спортом заняться, но всё откладывал. И чего откладывал? Шут его знает.

Тут же тело было слабым. Очень слабым. Я был ниже сверстников. Задохлик, который только и делал, что болел. К восьми годам я переболел, похоже, всеми болячками этого мира. Отец несколько раз порывался выкинуть меня на улицу на корм монстрам, считая, что я всё равно не выкарабкаюсь, но я не умирал. Цеплялся за жизнь и отпускать свой второй шанс я не собирался. В конце отец перестал думать, что, заболев очередной болячкой, я помру. Пусть я и был слабым, но стержень во мне был.

Из-за постоянных простуд я видел жизнь из окна автобуса, который долгое время был нашим домом. Мы пытались обосноваться в городе, но каждый раз чего-то случалось. То бан-

диты нападали, то начиналась эпидемия, то отец с кем-то чего-то не мог поделить или был не согласным – по этой причине мы колесили по югу, словно неприкаянные.

Так я и знакомился с новым для меня миром. Этот мир был иной. Я узнавал привычные вещи, но в то же время они были другими. Машины и автобусы колесили по степи оббитые листами железа для брони. Днём мы опасались нападений бандитов, а ночью выходили на охоту твари. Никто не видел ночных монстров. Они маскировались в темноте, чтоб напасть. Если кто-то из счастливых убивал монстра, то тот сразу покрывался кислотой, из-за которой от монстра оставалось лишь мокрое пятно. Никто не мог описать их, но наутро находили трупы, обглоданные местами до костей. Когда я первый раз наткнулся на такой труп, то меня рвало полдня. Потом привык к этому, как и к тому, что люди могли умереть в любой момент. Был вид тварей, что охотились и днём. Они маскировались, сливались с землёй, таились на пустырях, поджидая своего часа. Такая тварь сожрала мою сестру, когда она возвращалась из школы. От тварей люди прятались в фортах, что стояли вдоль оживлённых путей и городах. Ночью в степи никто никогда не оставался. Считалось, что после пережитого ночью страха, человек сходил с ума. Я не проверял, поэтому ничего не мог сказать по этому поводу. Мы же путешествовали днём и в составе караванов, когда по одному направлению ехало десятков машин под охраной.

Так было до моих восьми лет. Именно тогда отец остановился в Сольске на морском побережье. Там отец вместе со старшими детьми устроился на рыбный завод и задержался. Здесь я пошёл в школу и здесь я стал меньше болеть, но всё равно оставался слабаком.

С братьями и сёстрами отношения не сложились. Их было в этой жизни много. Отец с матерью стругали детей каждый год. Они остановились на восемнадцати. Я был всего лишь восьмым. Мне с ними было неинтересно. Играть в игры было как-то бессмысленно. Я и в той жизни не особо видел в них смысла, а здесь и подавно. Разговаривать я начал поздно. Очень долго не мог привыкнуть к местной речи. Плохо её понимал. Поэтому меня долго считали дурачком. А с такими особо водиться никто не хотел. Но опять же мне было это и не нужно.

Всё изменилось, когда я пошёл в школу. Там я научился читать. А это дало доступ в библиотеку. Несмотря на то что мир сильно откинуло в развитии после войны, что привела к апокалипсису, они старались сохранить знания и свою историю, в надежде, что всё может однажды измениться. Упадок уйдёт в прошлое, а на его место вернётся прежнее величие, но с учётом прежних ошибок.

Ещё каких-то тридцать лет назад здесь была другая жизнь. Были современные города, небо бороздили самолёты, от планеты поднимались шатлы, которые перевозили людей на крупные космические корабли, что пристыковывались к орбитальным станциям. А потом банально началась война. Война шла на биологическом уровне, когда оружием служили изменённые до мутаций звери и растения. В результате неё появились твари, что не давали нам покоя. Они должны были стать солдатами, но их создатели потеряли над ними управление. Это ладно, с тварями ещё можно было ужиться. Но они что-то нахимичили с растительностью, которая теперь росла в разы быстрее. Вырубленный лес вырастал за трое суток. Его оплетали лианы, делая чащу непроходимой. Результатом войны стало изменение климата и состава почвы. Какие-то земли теперь представляли собой жижу из тины, какие-то земли стали непригодны для жизни людей из-за сильных морозов или жары от извергающихся вулканов. Моря наполнили странные рыбы, изменились птицы и млекопитающие. Биологический апокалипсис, когда люди хотели как лучше, а получилось как всегда. В итоге планета была признана непригодной для жизни и с неё началась эвакуация. Но при этом война продолжалась. Они сбивали корабли. Часть кораблей вновь упала на землю, плюс не все слои населения эвакуировались. После эвакуации на планете осталось довольно много людей, которые сосредоточились в городах и выживали, как умели.

В нашей степи жизнь была вполне сносной. Терпимой. Говорили, что на Севере, где всё заповолил лес, людей совсем не осталось. Но эти данные были без подтверждения. Так как

спутниковая связь отсутствовала, так как связаться с другими городами было сложно. Хотя присутствовала радиосвязь, что распространялась на всю степь. Было электричество, местное телевидение. Здесь показывали фильмы, снятые на коленки и доставали запасы из старого фонда.

Уровень жизни напоминал мне мой прежний. Я даже одно время думал, что оказался в будущем, пока не понял, что здесь иначе течёт время. Сутки здесь по примерным подсчётам шли тридцать шесть часов, вместо моих привычных двадцати четырёх. Десять часов шло на утро, потом начиналась такая жара, во время которой прекращалась вся работа и люди отправлялись спать часов на восемь. Потом наступал вечер, который длился часов девять, а потом наступала ночь. Жара была лишь в летнее время, зимой же здесь шли дожди с разной степени интенсивностью. Здесь не было понятия месяца. Было лишь три цикла. Два цикла составляли лето, когда снимали два урожая. Один цикл уходил на зиму, во время которой шёл дождь. Как такой осени и весны не было. Дождь заканчивался, люди шли в поля, которые были рядом с городами. Начинались дожди, так работа прекращалась. За исключением мелких мастерских и крупных производств.

Сложно ли было мне жить? Да. Очень сложно. Это мир был чуждым для меня. Было непривычно иметь столько братьев и сестёр. Раньше я был единственным ребёнком в семье. Всё внимание матери и отца было моим, включая и то время, когда я вырос. Здесь же я был чем-то вроде обузы. Лишнего рта, от которого было мало пользы и одновременно от меня нельзя было избавиться. В этом плане родители были довольно добрыми людьми. Они нам всем давали шанс. Я знал семьи, когда слабых детей «забывали» ночью на улице. Они легко становились кормом для тварей.

К двенадцати годам нужно было уже определяться с профессией, но я не знал кем мне стать. Преподаватели в школе советовали учиться дальше. Получить какую-нибудь профессию с интеллектуальным трудом. Я неплохо к тому времени учился. Прежние знания в институте тут сделали меня чуть ли не вундеркиндом. Но я не был уверен, что мне это нужно. Второй шанс. Я помнил о нём. Помнил ту пустоту и сожаления об упущенных возможностях и непрожитых моментах. Согласившись на продолжение учёбы, я повторил бы свою жизнь. А этого не хотелось. Тут не особо любили учёных, обвиняя их во всех неприятностях. Я их понимал. Если учесть какая была планета и жизнь до вмешательства учёных и какая она стала сейчас, причины для ненависти к умникам были. Я не хотел, чтобы меня ненавидели. Но мне и не хотелось быть героем. Обычная жизнь меня не устраивала. Я не хотел жить так как жил мой нынешний отец. Куча детворы, которую надо прокормить, бытовые проблемы, кабак по праздникам и мысли о том, что переживёт ли жена очередные роды или нет. Прошлая жизнь меня не устраивала тоже. В ней ведь ничего не было кроме работы. Я тогда работал как вол. Всё думал, что заработаю денег и тогда начнётся жизнь. А жизнь всё не начиналась.

В школе меня обычно не трогали. За моей спиной всегда стояли братья. Пусть у нас не было близких отношений, но тут был принцип своих мы в обиду не даём. Братья всё были выше меня и подраться на кулаках им ничего не стоило. В тот день ребята подловили меня, когда братьев поблизости не было. Повод был банальный: слабаки раздражают своим присутствием. Я их раздражал. Назревала драка первая драка в моей жизни. В двух моих жизнях. Раньше меня не трогали из-за того, что мама была директором школы, а отец работал в милиции. Мальчик из хорошей семьи, который будет музыкантом, которого после школы встречала бабушка, чтоб отвезти на занятия в музыкалку. Человек, который боялся проблем, потому что не умел их решить. Тут же я оказался один на один с проблемой. Не дожидаясь того момента, когда из меня сделают мешок для битья, я первым кинулся в бой. И выбрал себе противника намного сильнее. Главного задиру, вожака этой шпаны. Они, похоже, подумали, что я сошёл с ума. Не разревелся, не запросил пощады, а кинулся в бой, зная, что проиграю. И в этот момент, я почувствовал, что выбор за мной. Можно бежать, прятаться, ныть, а можно сжать кулаки и

зубы, чтоб кинуться в бой. Бой, от которого зависит понимания кто ты есть и из какого металла состоят внутренность.

В тот раз меня побили. Побили сильно. Я тогда с трудом дополз домой. Братя получили нагоняй от матери. Меня просили сдать участников драки. Я отказался, решив, что с этими проблема я справлюсь сам, а для этого нужно было стать сильнее, быстрее и ловчее других. Сделать недостатки преимуществом.

Стоило мне отойти немного от драки, как я начал тренироваться. Делать себя сильнее, постепенно входят во вкус. Учёба была заброшена. Я тогда заявил, что стану водителем автобуса. Озвучивать мысли на тему, что я стал бы наёмником, которые охраняли эти автобусы, я не стал, потому что меня тогда бы подняли на смех.

Драки стали постоянными. После первой победы я понял, что двигаюсь в нужном направлении. Отец смотрел на мои выкрутасы молча. Я тогда думал, что его моя персона не интересует, но он, оказывается, подмечал всё, что происходило с его детьми. Лет в пятнадцать у нас с ним состоялся разговор. Я его почему-то запомнил. Может, по причине, что такой разговор был с ним первый в этой жизни.

В тот день я возвращался после практики вождения. К концу лета у меня должны были появиться права. После этого начинался курс ремонта машин. Отец стоял на крыльце выходящим во внутренний двор. Дома в городах строили квадратами, которые образовывали защищённый внутренний двор на несколько семей. Здесь играла детвора, бельё сушили, старики следили за порядком. Тут же устраивали мелкие праздники.

– Вань, пойдёшь сюда, – кликнул меня отец. – Я тебя за это лето без синяков ещё не видел. Ты чего добиваешься этими драками? Хочешь дойти до каторги? Молчишь?

– Да говорить особо не о чем. На каторгу я не собираюсь, но и молча щёку подставлять не буду. А без опыта и тренировки сократить количество синяков не получится.

– Может научишься уходить от конфликтов? Порой слово бьёт сильнее кулака. Синезелёным с разбитыми кулаками ходить не дело. Понял бы, если ты хоть выигрывал. Но подставлять себя под чужие кулаки – последнее дело.

– Это моё дело.

– Рано или поздно переломают тебе все позвонки. Или в канаве сдохнешь, или к кровати будешь прикованным. Тебе оно надо? Заканчивай петушиться и за ум берись. У тебя последний год обучения. Чего дальше будешь?

– Водителем пойду. Автобуса.

– Серьёзно? Охота пыль глотать? Вань, это не твоё. Тебе надо что-то спокойнее. Вон, в мастерскую подайся при заводе. Или на завод иди.

– Рыбу чистить? Желания нет.

– А на что у тебя есть желание? Здесь хороший город. Я за свою жизнь много разных городов повидал. Сольск тихий городок. Два перспективных завода. Рыба и соль будет всегда нужна. Он вдали от бандитских разборок. Террора диктаторов, которые считают себя царями в своих городах. Устройся на работу, купи дом, найди девчонку в пару и живи себе.

– Плодись и размножайся, увеличивая численность города. Нет, всё иначе будет, – возразил я.

– А чем тебе такая жизнь не нравится?

– Скучная.

– Веселье, в твоём понимании, ещё надо уметь удержать на своих плечах. А это тебе может быть не под силу.

– Посмотрим. Если надорвусь, значит, так тому и быть.

Как ни странно, но из этого разговора я многое почерпнул. Например, что мне пора было искать работу. Людей уважали за силу и за деньги. Силу я прокачивал, а вот с деньгами были проблемы. Значит, надо было их добыть. В пятнадцать лет на работу брали на неполный рабо-

чий день. Помимо заводов, у нас ещё был порт с кораблями, кабаками и гостиницей для приезжих. Тогда мне пришла идея отправиться туда и попытать счастья там. Это решение закрыло дверь в детство, о чём я не очень-то и жалел. Мне не нравилось быть ребёнком, который был лишён почти всех прав. Я не мог жить в полную силу, не мог действовать как хотел, ограниченный законами и физическими возможностями. Но это был важный период в жизни, своеобразная пауза, которая позволила понять то, что было не доступно мне раньше. Разобраться в приоритетах и понять, что жизнь в первую очередь зависит от меня, а не от кого-то другого. Пусть на это понимание я угробил столько лет, но это того стоило. Первый шаг к тому, чтоб перестать плыть по течению, был сделан. Второй шанс нужно было использовать на всю катушку.

Глава 2 Драка драке рознь

Я был на подхвате. Притаскивал из кладовки копчёности, из погреба приносил пиво и самогон, которое здесь лилось рекой. Если было много народу, а зимой народу было много из-за того, что работа стояла и моряки в море не выходили, то помогал разливать пенное в кружки. Девчонки их разносили, лавируя между столиками, уворачиваясь от желающих их полопать. Мне нравилась жизнь в кабаке. Здесь было что-то безнравственное, плохое и притягательное. Было интересно наблюдать, как меняются люди под действием алкоголя. У одних после лишней стопки развязывался язык и они искали с кем поделиться откровениями, другие становились злыми. Были и те, кто молчал. Я не пил. По малолетству мне не наливали, но слушать и крутиться в кабаке было интересно. Здесь были живые очевидцы тех событий, что привели к изменению планеты. Были те, кто воевал. Они рассказывали такие страсти, в которые было сложно поверить. Про оживших растений, которые нападали на людей, про людей с птичьими крыльями за спиной. Мужик, который всё это рассказывал, доказывал слова старым снимком, на котором почти ничего не было видно. Над ним смеялись, ему почти никто не верил, разве только я. В каждой сказке была как ложь, так и правда. Так что все слова списывать на выдумку я не рисковал.

Я работал в кабаке после учёбы около года, пока в наши края не забрёл Бурый. Никто не знал его настоящего имени. Он появился в начале лета. Сидел в кабаке и почти всё время пил. Деньги у него водились. Он не работал. Жил в верхних комнатах. Ни с кем не разговаривал. Все его время занимал сон, бутылка, сигареты, изредка девицы. Хмурый лысый мужик с густыми серыми бровями и загорелой кожей распугал всех наших завсегдаев. Стоило ему было поднять голову и посмотреть на рассказывающего историю пустым взглядом, в котором словно отсутствовала жизнь, человек замолкал. Сжимался и сворачивал байку.

Бурого боялись, как бояться чудищ. Ты не знаешь, в чём может быть опасность, ты её не видишь, но чувствуешь, что будут неприятности, если встать на пути монстра. Бурый был таким монстром. Я часто поглядывал в его сторону, пытаюсь разгадать загадку этого человека. Понять, что в нём не так. За всё время я не видел от него агрессии.

В тот день я пытался уломать Свету на вечерок в моей компании. На что получал какое-то расплывчатое ни да ни нет, а может быть, если звёзды сложатся. Меня интересовало, чтоб эти звёзды сложились в мою пользу, поэтому я продолжал нести чушь про страшных чудищ и свою защиту от них. Света часто пускала к себе в комнату тех, кто ей приглянется, но постоянного парня у неё не было. Она никогда не продавалась за деньги. Только по симпатии с её стороны. Уже неделю я её уламывал, но пока мы не продвинулись дальше «может быть, когда-нибудь». В итоге она лишь рассмеялась, взмахнула пёстрой юбкой и вернулась в кабак, оставив меня одного на крыльце.

– Так ты постоянно будешь по носу получать, – услышал я насмешливый голос Бурового, который появился из-за угла, дымя папиросой. – Девчонки любят две вещи: наглость и деньги. Не получается с первым, пару монет хорошо топит сердце. Нет денег, так веди себя так, словно они у тебя есть.

– Светка не ведётся на монеты.

– Значит, поведётся на наглость, – усмехаясь, ответил он. – Все эти песенки про звёздочки и сердечки – это как голодному рассказывать об изысканных блюдах, когда он сожрать готов постный хлеб без масла, ещё и рад этому блюду будет.

– Не понял тебя. При чём тут это?

Он облокотился об перила крыльца, продолжая дымить, словно труба печи. Покосился на меня, раздумывая, стоит ли продолжать разговор или я недостойн этого продолжения.

– Сила и страх. Страх в нашей жизни присутствует всегда. Каждый день надо жить так, как живёшь в последний раз. Завтра может не наступить. Пусть у вас тихий городок, но напряжение чувствуется и здесь. Женщины чувствуют опасность сильнее нас. Мы принимаем её по факту и живём дальше, они же накручивают себя. Трясутся под одеялом, когда в ночи раздаются крики неудачника, которого сожрали. Или когда кто-то решил проявить милосердие и выкинул калеку на улицу.

– У нас такого нет.

– Вы выкидываете таких за город, неподалёку от больницы. Не знал?

– Я не интересовался этим. Закрываю глаза, на такое.

– Так вот, вернёмся к женщинам. Они боятся этого мира. Ты правильно начал про защиту. Но надо не брехать, а делом доказывать.

Он кинул окурок в лужу и пошёл в кабак. Моя смена подошла к концу. Осталось лишь помои отнести в бак, который отвозили на свиноферму. В полупустом зале остался лишь хозяин кабака, две подавальщицы и три постояльца, которые здесь снимали комнаты. Бурый подошёл к Свете, которая вытирала столы. Он довольно нагло положил ладонь ей на зад. Она резко повернулась, замахнувшись на него тряпкой, но он перехватил её руку. Чего-то сказал. Я не слышал их разговор, но видел его наглую улыбку и довольный взгляд, который он бросил в мою сторону. Позёр. Решил доказать свою теорию на практике. Я был уверен, что она ему откажет. Бурый явно был не из тех людей, которые ей нравились. Он опять что-то ей сказал, наклонившись к её уху. Нарушил личное пространство. Света рассмеялась.

– Дай столы домою, – ответила она.

– А я не тороплюсь, – ответил Бурый.

Похоже, он её уломал. И чего такое сказал? Я забрал помои и понёс их в бак. Солнце уже начало клониться к закату. Мягко шумело море. Чайки кружились над волнами. Вдалеке виднелись рыбацкие судна. Колокол отбивал удары, предупреждая, что пора закрывать ставни и возвращаться по домам. С завода донёсся гудок о начале ночной смены. От берега тянуло дымом. Явно ребята жарили на костре рыбу.

Мусорные баки стояли в стороне от группки домов, что представляли собой два кабака, гостиницу и офисы компании, которые занимались рыбой. От этих домов вела дорога с отвешиванием на завод и в город, который стоял на холме. Ни кустов, ни высокой травы здесь не было. За этим у нас следили, чтоб монстрам было сложнее подобраться к человеку.

Не знаю, как я его приметил. Мне показалось, что в одном месте земля словно отражается в зеркале. Это был тот, что таился днём. Хищник, который хотел пообедать мною. Я уже год не слышал, чтоб они появлялись в наших окрестностях. Бежать? От него нельзя было скрыться. Принять бой? У меня был в кармане перочинный нож, а в руках помойное ведро. Не слишком сильное оружие. Но и лучше я раздобыть не мог. Отец категорически отказывался давать разрешение мне на покупку кукри, считая, что я захочу кому-то голову им снести. Про пистолет он и слышать ничего не хотел. До восемнадцати лет я ничего из этого купить не мог. А теперь была вероятность, что и не смогу купить.

Я так и стоял, не зная, что делать. Тварь ждала. Не нападала. Мне даже начало казаться, что я обознался, но глаза не подводили. Трава зеркалила, как и часть мусорного бака.

Шаг назад с моей стороны. Прыжок твари был такой стремительный, что я заметил его лишь краем глаз. На автомате кинул в неё ведро и бросился наутёк. Падение. О что-то споткнулся. Переворот. На миг я увидел переливающиеся небо и землю, которое зеркалило об шкуру твари. Они сливались вместе и тут же расходились, напоминая узоры калейдоскопа с россыпью стекляшек. Щелчок. Я увернулся, почувствовав, как боль обожгла руку. Но было не до этого. Увернуться. Уползти. Или скатиться с холма, поднимая пыль.

Под руку попалась железка. Это было какое-то чудо, что она лежала на берегу. Железная труба, ржавая железная труба, которой можно было звездануть твари. Она прыгнула мне за спину. Я успел перевернуться и отразить удар. Заболело плечо. Но это всё было мелочи. Главное было отражать удары. Быстрые, резкие удары, которыми эта тварь меня награждала каждый миг. Мы с ней кружились по пыльной земле. Из-за поднятой пыли она перестала быть зеркальной. Я начал выдыхаться. Пора было прекращать этот танец со смертью. Я кинулся вперёд на тварь. Она увернулась. А я понял, что не могу остановиться, влетая в солёную воду на скорости и получая удар по спине от твари.

Тварь в воду не полезла, оставив меня на берегу. Раны зашипало. Но я остался жив. Повезло. Отплыв в сторону причала, я вышел на берег. Никого не было. Тварь где-то притаилась. Колокол перестал отбивать удары. Возвращаться домой смысла не было. Я бы просто не дошёл. Пришлось стучаться в кабак. Хорошо, что его хозяин ещё спать не лёг.

– Вань, ты куда пропал? – открывая дверь, сказал он.

– Покусили меня, – вваливаясь в помещение, ответил я. Силы оставили. Перед глазами всё плыло. Тело болело. – Около баков поджидала скотина.

– Как же ты от неё ушёл? Хотя главное, что живой. Подожди, сейчас принесу, чем рану обработать.

Я попытался сесть на стул, но промахнулся. Упал прямо на пол. Руки тряслись. С трудом удалось стянуть рубашку. Рука в районе локтя, плечо, спина, нога – раны были неглубокие, но кровоточили и болели. Ладони железякой разодрал в кровь. Ладно, всё это заживёт. Главное ведь жив. Свой шанс не упустил. А раны заживут. Дядя Миша помог перебинтовать раны. Отвёл в свободную комнату. Сил хватило лишь, чтоб упасть на кровать. Обезболивающего не было. Раны скулили. Хотелось самому скулить. Вроде и раньше получал, но те драки были игрой по сравнению с сегодняшней встречей. А ведь сегодня я мог не выживать. Надо было серьёзнее тренироваться, серьёзнее к этому относиться. Этот мир слабости не простит. Но сколько бы я ни отжимался и ни подтягивался, мускулатура ни нарастала. Каким я и был слабаком, таким и оставался. Значит, надо было менять тактику. Больше уделять ловкости, а не силы. В нападении тварь использовала скорость. Значит, мне надо будет...

За стенкой раздались охи и вздохи. Скрипела кровать. Светка жила при гостинице, как и Тоня. Но Тоня жила внизу. Значит, это Бурый с моей несостоявшейся подругой развлекался. Прямо как насмешка судьбы. Кто-то снимает сливки, а кто-то скулит от неудач.

В той жизни я отгородился от жизни, уйдя в работу. Гребанное воспитание не позволяло делать то, что могло испортить настроение матери. Мы с отцом жили считай ради неё. Это было как-то глупо. Вроде я и понимал это умом, но всё равно не мог решиться порвать эту зависимость от неё, начать жить так, как считал нужным. Проще было спрятаться от проблем. Если я не мог чего-то изменить, если я боялся что-то сделать, то я отгораживался делами. А что я делал сейчас? Почувствовав свободу, я потерял голову. Чтоб заниматься делом, кинулся доказывать всем, что я чего-то могу. При этом проигрывая и уповая на удачу. Глупость. Человеческая глупость неисправима. В соседней комнате всё продолжали развлекаться. Надо всё-таки себе девчонку завести. В той жизни с ними не получалось. Мать никого не одобряла. И чего я ей не перечил? Столько всего было упущено...

Я закрыл глаза. Тридцать лет. Сейчас мне было бы уже сорок семь. А я всё ещё оставался ребёнком, которого толком ничего не знал в этом мире. Может и правильно было начать жизнь с нуля в новом мире. Я ведь был как человек с задержкой развития. Научился считать, читать и писать, но совсем не умел общаться с людьми, не умел и не хотел под них подстраиваться, закрываясь в коконе, стараясь сглаживать конфликты и признавать вину, даже если я и был не виноват. Серая амёба, которая не понимала, что всё зависит от неё. Сейчас я это понимал. В новом мире, в другом теле. Более слабым. Вот сейчас мне подошло бы заняться наукой, но я хотел драться и побеждать, чтоб больше ни одна тварь не решила меня сожрать. А тогда и

девчонки появятся. Бурый был прав, пока ты слаб и не можешь защитить, на тебя не будут обращать внимания.

Пришлось потратить две недели, чтоб раны затянулись. Я ушёл из кабака. Оставаться там на всю жизнь я всё равно не планировал. Так как водителем автобуса меня не взяли, из-за роста и веса. Никто не поверил, что я смогу выжить, если сломается автобус и придётся его чинить. Пришлось идти на рыболовное судно помогать рыбу ловить. Туда меня взяли. Адская работа. Грязная и тяжёлая, но при этом с налётом романтики и соли. Получил я за это копейки. Чуть больше, чем получал в кабаке. Меня сильно по деньгам ущемили, так как не посчитали, что от меня не было большой пользы.

Тогда пришло понимание, что, даже если я буду вкалывать больше других, они не заметят этого или сделают вид, что не заметят. Мне нужно было выбирать: оставаться жить на вторых ролях или выбиваться в первые ряды.

Всё это время я прокачивал ловкость. Начиная от кидания меча в стену, заканчивая хождению по скользкому бревну. Хотя я продолжал тренироваться, выполняя физические упражнения, прокачивая выносливость и силу, мышцы нарастить так и не получилось. Но ведь не всегда мышцы имеют вес.

Был зимний дождливый день. Я ушёл за город. Там была база тренировки городских, которые охраняли покой нашего городка от чудищ и лихого люда. Зимой тренировки сокращались и там можно было позаниматься на тренажёрах. Я кидал в мишень нож, думая, что к концу зимы по местным меркам мне стукнет восемнадцать и тогда можно будет учиться стрелять. Попробовать податься в городские стражи...

Выстрел. Я упал на землю. Откатился в сторону. И какой идиот решил в меня пострелять? Спрятавшись за бревном, что стояло рядом. Выглянул из-за укрытия и чуть опять не схлопотал пулю. Кто-то ведь явно играет. Таких врагов, что желали моей смерти у меня не было. Или раньше не было, а теперь появились.

Пока я обдумывал, кто мог так забавляться, сам же думал, что делать. В пятидесяти метрах от меня был окоп. От стрелка можно было спрятаться там. Проскользнуть между мешками, наполненными песком по бревну. Сигануть в просвет между брусьями, проставленными наискосок, а там и до окопа недалеко. Оставаться около бревна было опасно. Стрелок продолжал тратить на меня пули. Стреляли по звуку из карабина. Шесть зарядов. Четвёртый выстрел, пятый, шестой. Перезарядка. В этот момент я и побежал. И ведь не жаль на меня пули. Тут уже можно и загордиться. Я уже проскользнул между мешками с песком, когда стрелок начал стрелять мне вслед. Один раз, чуть не задел, но я вовремя пригнулся. Пролез между брусьями и пустился бежать к окопу. Согнувшись, скользя по грязи и лужам, под дождём и пулями, я лишь заметил, что стрелок засел со стороны вышки, что стояла на полигоне. И оружия нет, чтоб ответить. Идиотизм. Придётся ждать, когда кому-то надоест патроны тратить. Надоело тратить после того, как я оказался в окопе. Она спускалась, закинув карабин за спину. Я не видел её раньше в городе, иначе запомнил бы. Здесь женщины редко брались за оружие. Эта была при оружии, ножах и в штанах. Лёгкая кожаная броня, что доходила ей до бёдер, наручи до локтей с чешуйчатыми пластинами, ботинки до колен со стальными вставками – она была одета лучше наших городских. Шлем прятал волосы, но оставлял открытым лицо. Не особо высокая, но выше меня на полголовы. Лет тридцати, может и меньше. Лицо у неё было обветренным, загорелым и делало её старше. За доспехом фигуру было не разглядеть, но она точно не была хлипким созданием.

– Вылезай! Убивать не стану! – крикнула она.

– А какого стреляла?

– Проверить тебя хотела. Работа есть.

– Быть мишенью? Я несогласен, – ответил я. Она рассмеялась.

– Нет. Ты для других целей нужен. Или неинтересно? Вань, думай быстрее.

Рисковать или нет? С одной стороны, она меня могла сейчас прикончить, а с другой... Что-то мне подсказывало: если бы она захотела, то меня бы уже не было в живых. Я выбрался из окопа. Она стояла около брёвен и курила, не обращая внимания на дождь.

- Чего за работа? – подходя к ней, спросил я. Оценивающий взгляд, ленивая улыбка.
- За железом поедем, – растягивая слова, сказала она, наблюдая за моей реакцией.
- Допустим. С кем хоть дело имею? Представиться ты забыла. Кто ещё в деле?
- Джули. Бродяжничаю понемногу. А в деле помимо нас с тобой будет ещё двое.
- Почему я?
- По рекомендации Бурого. Так как? Согласен? – спросила она.
- Нужны детали...

Глава 3 Команда

– Выезжаем по весне. До этого формируем команду. Семьдесят процентов нам с Бурым. По пятнашки вам с напарником. Если первое дело выгорит и себя норм покажете, то пересмотрим проценты. Хотя получите на руки достойно. Весьма достойно. Уж точно больше, чем ты получал в кабаке, – ответила она.

– В чём работа заключается? Если на караваны нападать, то я пас.

– Чего так? – спросила она.

– Того. Не моё.

– Мы за железом едем. Ночуем в степи. Без стен.

– В машине?

– Можешь на свежем воздухе, – усмехнулась она. – Если опасаясь тварей, то пойму.

– Их только дурак не опасается.

– Это понятно, что каждый. Я о другом. У некоторых ненормальная фобия на эту тему. Знаешь, из тех, кто из дома в сумерки не высовывает носа, боясь собственной тени.

– Тени я не боюсь, но и кормом становиться не собираюсь.

– Это хорошо. Самоубийцы нам не нужны. Спонсирую мероприятие я. Оружие с меня, как и расход на подготовку. Пока не пристреляемся, то никуда не поедем. Бурый говорит ты каждый день тренируешься?

– У меня оружия нет. По малолетству. Отец разрешение не дал. А так, да. Болтаться в хвосте не собираюсь.

– Но пока болтаешься где придётся.

– Пока из-под опеки не вышел, то приходится. Без документов ни в один город не въедешь, – ответил я.

– Не, въехать можно, но долго не пробудешь. Хотя в некоторых городах договорились на радиосообщение. Делают запрос: откуда такой без доков приехал. Получают ответ. Если всё чисто, то выдадут новые взамен потерянных. А так, право одной ночи и катись до своего города устанавливать личность. У тебя днюха когда?

– В конце зимы.

– Как раз документ получишь и возьмём тебя с собой, если перестреляемся и согласен. Точные координаты не скажу, но предупреждаю, дело опасное. Назад можно не вернуться. Но сливок с него получишь столько, что будешь не обижен.

– Если оружием обеспечишь, то я в деле.

– Договорились. Завтра здесь перед сиестой встречаемся.

Она закашлялась. Видимо, давно курила. Табак уже начал оседать в лёгких. Я видел, как люди со стажем погибали от курева в этом кашле, когда не могли прокашляться по минуте, поэтому и не начинал курить. Пусть это и могло придать солидности в глазах местных парней, но я не хотел отвлекаться на кашель, если понадобилась бы отбивать нападение.

– До завтра тогда.

– Бывай, – согласилась она. Сплюнула, вытерла лицо. А мне как-то противно стало. Вроде женщина. Должна быть чем-то прекрасным, притягательным, а тут такие плевки, после которых о поцелуях забудешь надолго. Или я слишком предвзято ко всему относился?

Я вернулся домой. У нас была одна комната на четверых. Ещё немного и можно было съехать отсюда. В мои планы не входило оставаться с родителями после того, как я справлю совершеннолетие. Но пока приходилось жить в нашем шумном доме. Закинув вещи на верёвку, чтоб

просушились, а ботинки поставив около батареи, я завалился в кровать. Внизу шумела детвора. Порой мне наш дом напоминал клоповник, где всегда кто-то копошился и шумел. Здесь никогда не было покоя. Младшие дети плакали. Старшие старались проводить побольше времени вне дома. У нас было как-то принято среди братьев работать с пятнадцати лет. Три части зарплаты отдавалось отцу. Остальные деньги шли на карманные расходы. Сестрёнки помогали по хозяйству. Две из них пошли учиться дальше и уехали в более крупный город под присмотр старшего брата, который уже женился. Остальные готовились пойти по стопам матери и стать примерными жёнами, которая будет детей рожать и дома мужа с работы ждать.

Для них это был смысл жизни. Я этого не понимал. Может, раньше так сам думал, а сейчас хотелось адреналина намного большего, чем думать, как прокормить ораву детей.

– Вернулся? – в комнату заглянул отец. Кивком выгнал из комнаты моего брата, который лежал на соседней кровати и читал книгу. Меня он игнорировал, я его. Каждый сам по себе и одновременно вместе.

– Как видишь.

– После дождей опять в море пойдёшь? – спросил отец, садясь на соседнюю кровать.

– Нет. К тому времени у меня документы будут. Я уеду.

– Куда?

– Пока не знаю. Хочу мир посмотреть. Ты ведь по молодости много исколесил.

– Так не от хорошей жизни. Когда война началась, я ребёнком был. Город разрушен. На корабле нам места не было. Вот и пришлось искать место, где можно спокойно жить. Одно нашли, но бандиты почти всех вырезали или на производство согнали. Я оттуда сбежал. С ребятами угнали грузовик и сбежали. Тогда и с твоей матерью познакомился. Здесь тихое место. Хорошее для жизни. Ещё три города союзных неплохие. Но дальше мрак. Вань, там нет золотых гор. Грязь, пыль, кровь, беззаконье. Я тебя не собираюсь удерживать, но не разочаруйся в своём стремлении найти золотой город.

– Я и не ищу золотой город.

– Тогда что? Чего тебе неймётся?

– Может, просто у каждого своя судьба, своя дорога? Может, мы все непохожи? Для одного хороша жизнь здесь, а для другого в другом месте. Один тоскует по морю, а другой по пескам. Мне море не нравится. Оно для сильных людей. Я не такой. Здесь мне уготовлена жизнь в хвосте.

– А там думаешь будет иначе?

– Я не знаю. Но если не попробую, то никогда не узнаю.

– Вань, ты можешь ступить на кривую дорогу. Обратного не выберешься. Зачем тебе это? Почему нельзя жить нормально. Ставить себе реальные цели.

– Даже не знаю, что на это ответить. Реальность. Что это? Смириться с тем, что мне будут платить по минималки, лишая премиальных процентов, потому что от меня пользы никакой? Но работал я наравне со всеми.

– Возможно так казалось тебе. Но по факту...

– По факту так и было. Ладно, проехали. Пока ещё на соли поработаю до своего совершеннолетия, а там уеду. Если не получится нигде устроиться, то вернусь сюда, но пока я не увижу этот мир, не проверю себя на прочность, то не успокоюсь.

Отец не стал спорить, но его слова меня расстроили. Наверное, такое же разочарование испытал и отец из прежней жизни, когда я не пошёл в армию. Мама об этом позаботилась. Они даже тогда поругались с отцом на эту тему. Он хотел из музыканта видеть мужика, а мама боялась, что я оттуда не вернусь, ведь мои руки не для драки. Музыкант. Я ведь даже в Гне-синку должен был поступать, но потом уговорил мать, что музыканту прокормиться сложнее, чем экономисту. И всё равно, это профессия не понравилась отцу. Он считал её девчачьей. Но более-менее устроила мать. Так и пошло. Вначале учёба, потом работа по специальности в

государственном учреждении, где работала и мама, после того как ушла из школы, правда, на должности юриста. Чтоб хоть как-то денег набрать на машину, пришлось ещё вести несколько фирм на дому. Репетитором подрабатывал, двоечникам вдалбливая математику. Одна работа и никакой жизни. Самостоятельной жизни. В этой жизни было проще. Здесь я жил как хотел. И это мне нравилось намного больше, чем когда был постоянный контроль.

Время сиесты. Зимой не было такой жары, которую необходимо было пережить. Но по привычке уже закрывались глаза. Сквозь дрему вспомнилась Джули. Грубоватые черты лица, хриплый голос и доспех, который скрывал фигуру, оставляя простор для фантазии. Надо было всё-таки с кем-нибудь замутить. Без обязательств. Но найти бы ещё такую. Кто не против был под луной погулять, те замуж хотели. Кто же замуж не стремился, им я был не интересен. Оставалось понять, как привлечь их внимание. Вспомнился совет Бурого: наглость и деньги....

Джули появилась прямо перед сиестой в компании Бурого и Петьки. Бурый так и продолжал жить в гостинице при кабаке. Петька был переростком лоботрясом недалёкого ума, но довольно сильный. Он был в охране города, пока его не вышвырнули за пьянку. После этого он пошёл соль добывать. Мы с ним вместе в ночную смену работали. Здоровый дылда, с громким голосом, как труба и неуклюжими движениями. При ходьбе он обязательно кого-то задевал, чего-то скидывал. Со стороны казалось, что ему трудно управлять своим телом.

– Так, договоримся сразу, – начала Джули, оглядывая нас с папиросой в зубах. – Назад пути уже не будет. Я не хочу услышать за день до отъезда, что кого-то мамочка не пускает. Деньги за оружие отвалены немаленькие и терять я их не намерена. Кто-то соберётся сорваться с крючка заплатит за мои патроны своей шкурой, из которой я себе сделаю сапоги. Понятно выражаюсь?

Она посмотрела в мою сторону. Конечно. Это всё сказано было в мой адрес, иначе и быть не могло.

– Раз возражений нет, то разберёмся с оружием. Петь, ты ведь из городских? Учить тебя стрелять не надо?

– Умею, – пробормотал он. – Зачем нам в отряде мелкий?

– За надом. Я свои решения обсуждать с тобой не намерена, – огрызнулась она. – Значит, у нас все силы будут кинуты на обучение Вани. Петь, тебе надо координацию подтянуть. А Бурому вспомнить, как бегать.

– Нафиг мне бегать? Я тебе тварь? – рыкнул он.

– Ты год в кабаке заливаешь за шиворот. Это спорт хороший, но мы не на соревнования едем по литрболу.

Я усмехнулся. Краем глаза заметил рывок Бурого в свою сторону. Отскочил до того, как получил оплеуху. Увернулся от кулака, скользя ногами по грязи. Нырнул под руку Бурому, оказываясь у него за спиной. Он резко развернулся. Заскользил. Чуть не упал, восстанавливая равновесие. Я вновь шагнул к нему за спину, уходя от очередной его попытке меня ударить. Петька решил помочь Бурому меня поймать. Я этого не ожидал. Когда уходил от руки Петьки заскользил по грязи, падая прямо под ноги Бурому. Тот об меня споткнулся и свалился в грязь, роняя Петьку. Пока они выбирались друг из-под друга, я уже оказался на ногах.

– Красавцы. Про что я и треплю, – сплюнула Джули, туша сигарету. – Пошли мелкий. Покажу тебе, как с оружием управляться.

Посмотрев в сторону Бурого и Петьки, я понял, что они продолжать игру в салочки больше не хотят. Поэтому пошёл за Джули. Около тренировочной площадки стоял грузовик, в котором было несколько ящиков патронов, шесть пистолетов револьверного типа, два пистолета-пулемета, три карабина, два ручных гранатомёта и один дробовик.

– Мы собираемся на войну?

– Всего лишь выжить, – ответила она.

Когда-то я мечтал об оружии. Мне всегда казалось, что вот стоит мне взять ствол, то я стану крутым вояком, которого ничто не остановит. Мне всё будет по плечу. Возможно, этот образ сформировался под действием фильмов из прошлой жизни, да и в этой как-то был культ оружия. Считалось, что если ты не при стволе, то ты сопляк. Мирный житель, который обязан платить налог, чтоб его защищали сильные ребята при стволах. В магазине можно было легко купить любое оружие. Главное, чтоб были деньги и документы, или разрешение от родителей за их общей подписью. Но оружием обзаводились не все. Например, у отца его не было. Он категорически отказывался его покупать, хотя и умел стрелять. Это было верхом моего непонимания. А как же защита? Уверенность? Но оказалось, чтоб защитить себя, отбить нападение и не убить при этом себя, нужно уметь этим оружием владеть.

У меня это получалось неважно. Я с трудом удерживал оружие. Руки тряслись от напряжения. Пистолет-пулемёт вихлял и мазал мимо цели. Чуть лучше вышло с револьвером. Но чтоб попадать в мишень, приходилось со всей дури сжимать рукоятку двумя руками до побелевших пальцев и сокращать расстояние до пятнадцати метров, что по сути было почти в упор. Час тренировки выжал из меня столько пота, сколько ни было на рыболовном судне, а я там выкладывался по полной.

Джули смотрела на мои потуги с невозмутимым лицом. Изредка поглядывала на Бурого и Петьку. Я не мог прочитать ничего на её лице, но вряд ли она была довольна моим результатом.

– Отдыхай, мелкий. Завтра на этом же месте, в это же время, – ответила она.

– Значит, берёшь в команду несмотря на результат? – верилось в её слова с трудом.

– Да. Результат нормальный. Или ты думал, что возьмёшь пистолет и превратишься в снайпера? Наивный. Это тебе не ножечки кидать, – усмехнулась она и пошла к Бурому о чём-то с ним переговорить. Петька проходил мимо меня. Я не понял, что он хотел сделать. Или меня за шиворот схватить, или оплеуху дать, но я среагировал на автомате, уходя от его руки, отскакивая в сторону.

Он ничего не сказал. Пошёл в сторону города. Со стороны дороги послышалась автоматная очередь. Видимо, городские отгоняли хамелеона. Я слышал, что у них были специальные радары, которые засекали эту тварь. Правда, у нас было всего лишь две машины с такими радары, на которых и разъезжали городские, а этого было мало. Но раз они проехали, значит, дорога была чистой и я мог спокойно пойти домой, не опасаясь, что кто-то подстерегает меня в траве.

Как ни странно, но несмотря на все опасности я не боялся этого мира. Здесь было два пути по жизни. Можно было бояться каждой тени, засесть в камерке и выходить оттуда лишь по острой необходимости, как делали некоторые. Один парень работал в столовой при заводе и жил там же, не появляясь в городе даже к врачу. Когда понадобилось ему пройти медкомиссию, ему машину нанимали. В принципе я понимал, почему он так боялся. На его глазах твари всю семью загрызли. Он спрятался тогда под дном машины. Его твари не смогли достать или удовлетворены были тем, кого поймали. Этот человек выбрал жизнь в страхе. Был и другой путь. Жить с оглядкой, но не прятаться. Что я и делал. Ещё вначале, когда только узнал о монстрах, я решил, что они – это как шпана из прошлой жизни. Какая была вероятность, что ночью пересекая парк, я мог нарваться на придурков, которые хотели бы набрать на сигареты и пиво из моего кошелька? Такое случалось со мной два раза в той жизни. Один раз, когда ещё подростком был, а второй раз, когда уже институт закончил. И оба раза я отдавал деньги, получая по шее. Это меня приучило к осторожности и опасению тёмных мест. Заодно и дало понять, что никогда нельзя чувствовать себя в безопасности. Нигде. Её не было. Вокруг был жестокий, наполненный опасностью мир. И неважно, кто представлял опасность в этом мире: люди или существа, которые не были видны человеческому глазу. А раз не было безопасности, то и не было страха эту безопасность потерять.

Страх. Сложное чувство. Из тех, что делает человека слабее, но и помогает ему выжить. Ведь самосохранение важная часть нашего существования. Его нельзя было подавлять и уподобиться пьяному в усмерть человеку, который под действием алкоголя уже ничего не чувствует, но и нельзя было идти у него на поводу. Я думал, что не боюсь. Отчасти это было так. Я не боялся тварей. Не боялся разочарований. Но я боялся, что когда-нибудь придётся нажать на курок и выстрелить. Выстрелить в человека. Лишить его жизни. Имел ли я на это права? Если это была самозащита, то ещё можно было «успокоить» совесть. Убедить себя, что если не я, то нападавший убил бы меня. А если придётся применить оружие против кого-то целенаправленно? Джули сказала, что мы едем за металлом, но не сказала с чем мы можем столкнуться. Зачем нам надо было пристреливаться? От кого мы готовились защищаться? От чудищ? Нет. Против них спасения не было. Она сказала, что мы будем ночевать в степи. Значит, нужны были лишь стальные нервы, чтоб не спятить, когда твари будут рядом бродить. Железо. Где оно могло быть? Разрушенный корабль, старый город, из которого ушли жители. Когда случилась вся эта чушь, люди оказались в крупных городах без еды и воды. Коммуникации были отключены. Некоторые города были погребены под зелёным пологом лесов, другие атакованы мутью, похожих на тварей, но это были не они. Там было опасно и страшно. Это объединяло все рассказы. Джули хотела воевать с этой мутью?

Появилось ощущение, что я слишком поспешно согласился на предложение этой женщины, которую вчера увидел впервые в жизни. Надо было узнать подробности, а не нестись вперёд, не оглядевшись по сторонам.

Глава 4. Джули

Я еле доработал смену. Тело болело, руки отваливались. На плече расплылся синяк. Хотелось всё бросить. Забыть о тренировки, но я дал слово, что в деле. Пусть я и не знал, куда меня занесёт судьба, пусть я не знал куда едет Джули, но я дал слово, которое нужно было сдерживать. А в следующий раз нужно будет осторожнее разбрасываться словами. В любом случае это ведь опыт.

Дождь. Сырость. Холод. После лета зима казалась чем-то сопливым и противным, как грязь, что хлюпала под ногами. Дождь лил с небольшими перерывами. Земля жадно впитывала осадки, стараясь насытиться на будущее. Летом дожди были редкостью, но это не мешало нам собирать урожай.

Джули уже приехала на место. В этот раз я не стрелял. Стояла задача отработать движения и привыкнуть к тяжести оружия. Я всё-таки спросил её с кем мы собираемся воевать. Для чего всё это нужно.

– Вань, ты на прогулку собрался? Это тебе не по берегу моря гулять. Мы можем столкнуться с любой гадостью, которая захочет нашей смерти.

– Бандиты?

– Возможно. А может и одичавшие. Слышал про таких? Что жрут пойманных мальчишек.

– В детских страшилках слышал.

– А теперь представь, что это не страшилка, а правда. Когда они на огонёк пригласят, то явно не трапезой поделиться, а эту трапезу из тебя сделают, – ответила она.

– Ясно.

– Ничего тебе неясно. Ты привык к этому городу, к его безопасным дорогам. Я здесь пятый день, но сама уже успела расслабиться. Здесь почти ничего не происходит. Мелкая ерунда, что не требует внимания. Но стоит выйти за его пределы, ты останешься один на один со степью. В степи же нет известных сценариев. Одно дело, когда караваны едут по проторенным дорогам от города к городу, от форта к форту и другое дело, когда мы съезжаем с дороги и оказываемся в ничейных землях. Наш Юг освоен лишь наполовину. Мирные договоры заключены с тремя десятками городов. Десяток городов думают о заключении мирного соглашения. Десятка три остаются независимыми и чихать они хотели на общие законы. Есть города, где власть принадлежит полностью полиции, есть города, где власть принадлежит бандитам. Где-то анархия, в других местах фанатизм. Но везде тебя будут уважать, если ты можешь выстрелить.

– Стрелять бездумно нет смысла.

– Если не выстрелишь ты, то выстрелят в тебя, – ответила она.

– А если человек невиновен? Если мне показалось, что он враг? Почему вначале не разобраться?

– Нет времени на разборки. Есть секунды на то, чтоб узнать кто выстрелит первым. От этих секунд, от быстроты реакции зависит твоя жизнь. Возможно, она тебе не дорога, поэтому можешь смело разбираться и искать правых, виновных. А пока ты их ищешь, то кто-то прыгнет твоё тело, – ответила она.

Больше я вопросов не задавал. Продолжил тренировки.

С каждым днём я чувствовал себя увереннее, но стрелял всё равно паршиво. Нормально ко мне относилась лишь Джули, остальные косились в мою сторону и не могли понять, зачем она со мной возиться, когда проще заменить на более опытного. Петька даже предлагал своего товарища, который не прочь был бы подзаработать. У того жена второго ждала, а он ещё с ней

у родителей жил. Но Джули отклонила его кандидатуру, оставив меня в команде. Команда. У нас была именно команда, которая должна была научиться друг друга прикрывать и отставить личные предубеждения. Это было сложно. Петька то и дело тупил, порой не понимая чего от него хотят. Бурый считал нас с ним расходным материалом, а Джули терпеливо собирала нас вновь, втолковывая, что она не собирается терять ни одного человека из отряда.

У неё были большие планы. Она хотела собрать большой отряд, который бы занимался добычей железа. Машин так из шести. Но для начала надо было съездить на разведку и доказать другим, что там есть железо. Координаты или хотя бы примерное направление места, где прятался город, а ехали мы, похоже, в старый город, Джули держала в секрете. У неё уже был отряд, который она потеряла. Десять машин попали под пули бандитов. Она одна смогла уехать на машине и оторваться от нападавших. Получилось так, что выжила из отряда лишь она.

Бурый к этой истории относился недоверчиво, я же не видел поводов ей не доверять.

Чем больше я узнавал Джули, тем больше видел в ней противоречий. Она была уверенно, со скупыми движениями, резкими суждениями и хриплым голосом. Всегда готова к нападению, настороженная, готовая рвануть в бой. Среди нас она чувствовала себя на равных. В ней не было присуще другим женщинам жеманства и кокетства. Как-то мы пересеклись с городовыми, которые заинтересовались к чему мы готовились, каждый день тренируясь на площадке. Вначале они думали, что главный здесь был Бурый. Но Джули их быстро переубедила. Спустя какое-то время они уже трепались с ней, не обращая внимания, что она женщина. А ведь вначале отнеслись к ней с пренебрежением и недоверием.

Джули умела завоевать доверие. Могла показать, что она своя в доску. И это выглядело естественным. Дошло до того, что я не мог представить её в платье. Поэтому когда увидел её в нём на службе в храме, то дар речи потерял.

В тот день был праздник. День окончания войны. Люди пошли в храм. Я там был вместе с семьёй. Отец настаивал, чтоб мы посещали его. Я как раньше не был верующим, так и не смог уверить в силу Божественных сил. Здесь верили в Дождь и Солнце. Жрицы от имени людей просили урожайного лета. Храм представлял собой место, огороженное колоннами, под крышей. Сюда спокойно мог поместиться весь город, ещё место оставалось. Жертвенный алтарь был под открытым небом. Обычно на него наливали воду и клали хлеб. Жрец просил сытого лета, мира, здоровья, все запевали молитвенную песнь, а потом отправлялись по домам за накрытые столы. Ходили в гости. Дарили небольшие подарки.

Женщины в храм могли зайти лишь в юбках, а не в штанах. Тогда я и увидел её не в доспехи, а в платье. На вид она была хрупкой, с аккуратными формами. Грудь, которая прям создана была для мужских ладоней. Небольшой зад. Мысли понеслись в каком-то диком направлении. Она же слушала жрецов и не обращала ни на кого внимания. Я же не мог отвести от неё взгляда, мысленно снимая с неё это платье. Под ним ведь не было этой хрупкости. Она была другой, а платье это скрывало.

Запели песнь. Она не подпевала. Лишь шевелила губами. Опять закашлялась. Приложила платок, пряча кашель в него. Потом всё же решила выйти из храма. Я пошёл следом за ней, поймав неодобрительный взгляд отца. Она откашлялась. Раскрыла зонт, который висел у неё на руке и который я не замечал всё это время. Не смотря по сторонам, Джули пошла в сторону гостиницы. Я нагнал её в два шага.

– Можно составить тебе компанию?

– Попробуй, – ответила она. – Чего? Дар речи потерял от моей красоты?

– Неожиданно.

– М, а должно быть ожидаемо? – насмешливо спросила она, посмотрев в мою сторону.

– Джули, почему ты решила за оружие взяться?

– А ты как думаешь?

– Пыталась выжить?

– Отчасти. В моей деревни было для женщин два выхода: или на спине ноги раздвигать, или из пистолета стрелять.

– И ты выбрала последнее.

– После того как мне не понравилось на спине лежать, – она усмехнулась. – С тех пор никогда никому не позволяю себя на лопатки уложить.

– Сама укладываешь?

– Типа того.

– Ты красива в платье.

– Ещё скажи, что ты без ума от моих волос и глаз.

– Не смейся. Ты красивая.

Она промолчала. Мелкий дождь бил по щекам. Оседая на куртке. Джули была одета довольно легко и словно не чувствовала холода. Я шёл рядом с ней и пытался найти тему для разговора, но мысли упрямо уходили в сторону её тела, что было скрыто этой тряпкой. Кровь стучала в висках. Глупо. Надо было давно найти... А чего я так ждал, чтоб найти девчонку, которая не отказалась бы со мной делить кровать? Чего я жду? Когда погода наладится?

– Выступаем через три дня после окончания дождей, – сказала она. – Я думаю...

– Сегодня оставь эти разговоры. Завтра об этом поговорим. Ты сейчас что планируешь делать?

– К себе пойду. Переодеться надо.

– Потом с Бурым засядешь?

– У него свои планы. А к чему такой интерес к моей скромной персоне?

– Пошли ко мне праздновать. Нечего одной оставаться. У нас народу много. Весело должно быть.

Джули остановилась. Посмотрела на меня. Внимательный взгляд. Изучающий. Откинула немного голову назад, кривя губы в усмешке. Явно хотела сказать, что язвительное. Отшить, но передумала.

– Хорошо. Пойдём к тебе праздновать, – согласилась она.

Это мне показалось добрым знаком. Когда мы дошли до моего дома, семья уже вернулась. Отец встретил Джули хмурым взглядом, но ничего не сказал по поводу её присутствия на празднике, а мама встретила её радушно. Как будто я невесту в дом привёл. Я как-то не любил праздники. Мне они казались бессмысленными и пустыми. Я не понимал, почему должен веселиться, если мне в данный момент веселиться совсем не хотелось. Только из-за даты? Я не понимал всей этой суеты, когда детвора ждёт чуда. Вроде бы надо было понимать, что я и столкнулся с таким чудом, когда получил вторую жизнь, но я всё равно оставался скептиком. Порой мне казалось, что причина этой второй жизни был какой-то технический сбой, когда душе забыли стереть память. Думать же что что-то сжалилось и сделала такой щедрый подарок, я не верил в это. Слишком казалось нереальным. Да и прежняя жизнь мне не особо помогала в этой. Разве только постоянно напоминала, что если я не хочу помирать с сожалением о прожитых годах, я должен действовать, а не стоять на месте.

Джули праздники нравились. Она с удовольствием возилась с мелкими девчонками, что было странно видеть. Я никак не мог сложить образ воина и нежной женщины в голове. Смотря на неё, казалось, что здесь какой-то обман и опять появилось желание этот обман разгадать.

Мои родители собрались в гости, а Джули в гостиницу. Я вызвался проводить Джули хотя был уверен, что ей это не нужно. Она не стала отказываться. Стоило нам выйти на улицу, как она достала сигареты. Щёлкнула зажигалка и рядом со мной уже шла знакомая мне Джули, а не та незнакомка в платье.

– Спасибо за денёк. У тебя хорошая семья. А ты вместо того, чтоб ей наслаждаться, пялился на меня.

– Ты мне интересуешь больше.

– Значит интересно? По тебе это было не видно. А ты понял, что это был последний день, когда ты был с ними?

– В смысле последний?

– Следующий праздник будешь встречать другим человеком. Если доживёшь до него.

– Помирать я не планирую.

– Почему? У тебя есть какая-то цель? Мечта? Что тебя держит на этом свете?

– Жизнь. Этого вполне достаточно.

– Ну да. Ты её и не знаешь толком. Эту жизнь.

– А ты уже успела разочароваться?

– Потерять, – она улыбнулась. – И не один раз. Вся жизнь состоит из сплошных потерь.

– Ясно.

– Ничего тебе неясно. Чужая душа всегда будет потёмками. Её никто не сможет понять.

Пусть и самый близкий человек будет говорить, что он тебя понимает, но это ложь. А ты мне никто, чтоб делать такие громкие заявления.

– Обиделась? – Я честно не понял, чего она так взбеленилась.

– Чего мне на тебя обижаться? Сегодня праздник. Все обиды прощаются. Забыл?

– Помню.

– Сегодня люди прекращают войны. Стараются помириться и начать всё сначала. Я у тебя в гостях была, теперь тебе пора сделать ответный визит.

– Приглашаешь к себе?

– Да. Или есть другие планы?

– Нет. Работа сегодня стоит. Люди гуляют.

– Ты всегда работаешь?

– Такое условие отца. Если я не хочу ночевать на улице, то кладу деньги в общий котёл. Я с ним согласен. Если есть руки, то чего не работать?

– Какой правильный, – она опять закурила, потом потушила сигарету. Убрала её в пачку. Нервничала.

– Считаешь мне надо было всех послать и болтаться без работы из принципа и внутреннего протеста?

– Не обращай внимания. Ты правильно всё делаешь. И семья у тебя хорошая. Такой нужно помогать. Я на твоём месте не уехала бы из дома. Но я не ты. И у нас разные дороги.

В гостинице почти никого не было, за исключением Светы и двух завсегдатаев, которые праздновали здесь, так как жили одиночками, а тут была хоть какая-то компания. Мы поднялись к Джули. Стандартный номер с кроватью, печкой, шкафом, скрипучим полом и мутным окном, по которому стучал дождь.

Джули открыла зонт, чтоб он просох. Скинула ботинки. Я последовал её примеру. Снял куртку, наблюдая за Джули. Она теребила завязки платья, не смотря на меня. Что с ней творилось, я понять не мог. Была мысль, уйти и дать ей прийти в себя, но тогда я был бы самым большим дураком на свете, который упустит такой случай.

Вместо этого я подошёл к ней. Убрал её руки с этих завязок и потянул за шнуровку, развязывая её у ворота и опуская её до плеч. Джули не возражала, замерла, закрыла глаза, когда я коснулся её груди. Аккуратная, как и предполагал. Её грудь легко поместилась в моих ладонях, а небольшие соски быстро встали, подчиняясь игре, которую затеяли мои пальце. Её кожа давала приятную прохладу, которая сталкивалась с моим жаром. Контраст, который должен был объединиться, как объединялись морские течения. Я поцеловал её в плечо. От неё исходил едва заметный аромат лимона и мяты, смешанным с её неповторимым запахом. От этого желание, чтобы это женщина была сегодня только моей, стало почти невыносимым. Я с трудом сдержался, чтобы не воспользоваться и не взять её сейчас, повалив прямо на пол. Пришлось сдержаться. Пусть опыта в этом вопросе у меня было не так много, но по наитию

я понимал, что ей вряд ли понравится, если я поддамся инстинктам, поэтому я продолжил ласкать её тело. Ладони прошлись по её изгибам, снимая платье и проверяя, какая она на самом деле. Сильная Джули, которая могла спокойно выстрелить в человека и не поморщиться, сейчас была другой. Ранимой, пугливой. Мои ласки, похоже, ей понравились. Она вздохнула. Улыбнулась. Её руки стали освобождать меня от одежды. Она посмотрела на меня. Дерзко. И куда делась та неуверенность? Сейчас понять мне её точно не удастся.

– Даже не пытайся. Это и не нужно, – ответила она, толкая в сторону кровати.

Вещи полетели в сторону. Сейчас они точно были лишние. Я еле успел от них избавиться, как она уже оказалась сверху, опираясь своими ладонями на мою грудь. И ведь давно этого хотел. Правда не думал, что это будет Джули. Она вела себя дерзко. Опыта у неё похоже было прилично. Я же не мог на неё налюбоваться, наблюдая за её гибким телом и лаская грудь. Долго сдерживаться было сложно. Она ничего не сказала. Хотела уйти в ванную комнату, что была в номере. Но я не дал, останавливая её.

– Мы с тобой только начали играть.

– Даже так? – удивлённо спросила она.

– А ты как хотела?

Она не ответила. Но тут и не нужны были ответы, когда всё доказывали действия. Мы с ней долго кувыркались в кровати, выкладываясь по полной. Это был интересный опыт, после которого я понял, что раньше, в той жизни был полным придурком, раз от такого отказывался.

Наступила ночь, но мы этого и не заметили. Она лежала рядом. Я и сам долго не мог восстановить дыхание, после наших диких игр.

– Ты меня сегодня заездил, – тихо сказала она.

– Это плохо?

– Нормально.

– Сегодня у тебя ночую.

– Понятно.

Она пошла в ванную комнату, которая состояла из туалета и душевой. Я же остался лежать. Словно на тренировке побывал. И лёгкость в теле была похожей. Джули вернулась вся мокрая и сразу схватилась, за сигареты. Я же пошёл в душ. Холодная вода. Понятное дело. Сегодня не до топок котла, что нагревал воду.

Вернувшись, я нашёл её около приоткрытого окна, в которое она выпускала струйки дыма. Шумело море, стучал дождь, но холода не было. Чувствовалось приближение лета. Или я ещё не успел отойти от прошедшего, поэтому не чувствовал холод? Но всё это было не важно. Меня интересовал лишь один вопрос.

– Почему?

– Давно никого не было. Муж полтора года как погиб. С ним никто сравнится не мог. Я до него никого близко не подпускала. Он пробил мою защиту.

– Как?

– Терпением и нежностью. Уверенностью, – она опять усмехнулась. – Знаешь, он мне как-то сказал, что прогонит все мои страхи. И прогнал. Грохнул моих врагов. После этого я смогла спокойно спать.

– У тебя был суровый муж.

– Он был человеком слова. Только последнее слово не сдержал. Оставил одну. А ты... Ты мальчишка, который не представляет угрозы. Тебя пока легко под себя подстроить.

– Не боишься, что захочу доказать обратное?

– Нет. Не боюсь. Боится тот, кто не хочет умирать. А кто ищет смерть, тому бояться нечего.

– Тебе рано ещё умирать.

– Это не нам решать. Рано или поздно дорога всех приведёт на тот свет. А я не боюсь, ведь меня там ждут, – спокойно сказала она, а меня от её слов покорило.

Глава 5. Внешность обманчива

Она меня использовала. Так говорила. Я посмеивался и почти каждый день оттягивался с ней по полной программе, считая, что пользую её я, и совсем неважно в какой позе. Но если дама считала иначе, то кто я такой, чтоб с ней спорить?

Ещё недавно она была для меня загадкой, но стоило мне у неё переночевать пару раз, как загадка разгадалась. Уставшая женщина, которой слишком часто трепали шкуру, оставляя на ней шрамы. Шрамов было много. От пуль, от ножей, от падений. Она помнила, как получила каждый из них. Помнила жестокость. И хотя рассказывала с теплотой о своём муже, я понял, что он был ещё тем скотиной, но она его любила и прощала, объясняя это, что он её защищал и никому не давал в обиду, но мог обидеть и сам, если был под мухой. Но когда не пил, так был самой добротой.

Я всё это слушал и пытался составить о ней полное представление, понять, что она за человек. Ещё недавно я ей восхищался. Но с каждым днём словно спадала пелена. Она была обычной женщиной, которая уже почти забыла, что это такое. Почти превратилась в монстра. Джули любила поговорить, рассказывая, как она убивала людей и при этом не испытывала никаких чувств.

– Почему? Разве тебе не приходят во снах эти люди? И совесть не мучает? Ты отняла чью-то жизнь...

– И что? Они могли отнять мою. Я защищалась, даже если нападала.

Железная логика. Тут не с чем было спорить. У неё появились зубы, которыми она кусала всех, кого считала опасным. Недаром говорят, что женщины более жестокие, чем мужчины. Джули жила по своим законам, в которых не было место слабости. Этим она мне нравилась. Нравилось, что она смогла выйти из хвоста жизни и научиться ею управлять. Но одновременно меня напрягала её беспощадность. Такая женщина могла прирезать и не поморщиться.

Лето я уже встречал совершеннолетним по местным меркам. Как раз закончились дожди. Выглянуло солнце, что вместе с ветром начало сушить землю. Джули закупала провизию, которой могло хватить на несколько месяцев пути. Как я понял, насколько мы ехали, она не знала. Я уволился с завода. На деньги купил себе нож, на который давно смотрел. Всё-таки холодное оружие мне нравилось больше, чем огнестрел. В стали была какая-то уверенность. Здесь всё зависело от мастерства владения, от заточки стали, а не от механизмов, который мог дать осечку. Когда я об этом узнал, то не понял, зачем было пользоваться таким оружием, которое могло подвести. Но люди считали иначе. Они старались не подпускать к себе других, стреляли на расстоянии, словно были не уверены в своих силах и себе. Боялись, что не смогут отбить атаку. А может причина была в другом. Выстрелить в человека было легче, чем пойти врукопашную. Наблюдать, как нож царапает чужую кожу, несёт смерть в твоей руке было сложнее, чем прятаться из-за угла и постреливать в сторону противника. Об этом я и завёл разговор, когда мы вчетвером сидели в кабаке, за день до отъезда. Петька ожидаемо покрутил пальцем у виска. Бурый усмехнулся. А вот Джули... Она достала пистолет и кинула его по столу в мою сторону. Я его поймал.

– Стреляй мне в грудь. Бронник выдержит, – спокойно сказала она.

– Я не буду в тебя стрелять.

– Будешь. Это приказ. Стреляй.

– Нет.

– Кишка тонка? Тогда какого ты с нами повязался? Думаешь это просто прогулка? – она говорила тихо, но каждое слово звучало хлестко, словно удар хлыста.

– Я не стреляю в своих.

– Отмазка. Ты трусишь, – ответила она. – Или стреляй, или проваливай.

Я посмотрел на неё. Она не шутила. За столом стояла тишина. Бурый смотрел за нами, попивая пиво. Я же понимал, если не выстрелю, то с ними не поеду. Но одновременно, если выстрелю, то назад пути не будет. Черта. Перешагнув через неё, возврата уже не будет. Нервно дернулся глаз. Джули хотела что-то сказать, но не успела. Я быстро взял пистолет и нажал курок. Щелчок. Он был не заряжен. Я откинул пистолет в сторону Джули. В этот момент, лоя левой рукой пистолет, правой она уже достала нож, резко опуская его рядом с моей левой рукой и прикалывая рукав рубашки к столу. Я не ожидал этого, поэтому и попался.

– Любое оружие – это смерть. Когда берёшь его в руки, то будь готов и применить в любой момент. Ты считаешь, что пули для трусов, но сам выстрелить долго не решался. Почему?

– Почему у тебя пистолет не заряжен?

– Для тебя. Вдруг захочу убить.

– А пустой пистолет остановит?

– Даст тебе один шанс, – она направила револьвер в сторону пустого стола, на котором стояла забытая кружка. Джули нажала на курок, разнося кружку на мелкие куски.

Хозяин кабака ничего ей не сказал, но неодобрительно покачал головой. Джули убрала револьвер в кобуру.

– Она права, – сказал Бурый. – Если достаёшь оружие, то не для того, чтоб покрасоваться, а для того, чтоб им воспользоваться. Иначе смысла в нём нет. Не важно что ты достал. Нож, пистолет, гранатомёт – это всё несёт смерть. И на пулю это не спишешь. Сама по себе пуля не причинит вреда. Вина на этот вред лежит полностью на том, кто нажмёт на курок, выпуская пулю на свободу и придавая ей смертельное ускорение.

– Мальчишке не нравятся пули. Поэтому поговорим про клинки, которые жалят и царапают кожу, – усмехнулась Джули, царапая мне ножом тыльную сторону руки. Я перехватил её руку с ножом. Минутная борьба. Она сдалась первая. Я отобрал у неё нож.

– Хватит.

– А чем тебе не нравятся такие разговоры? – спросила она, с улыбкой, которая расплылась на довольном лице.

– Одно дело разговоры, а другое дело оружие в ход пускать. Здесь не место и не время.

Джули налила в кружку самогона, который цедила весь вечер. Выпила залпом. Поморщилась. Я настороженно наблюдал за ней, вытирая пораненную руку. Ненормальная, которая искала неприятностей.

Я с ними сидел лишь за компанию. Пить не собирался, так как не знал реакцию организма на алкоголь. А проверять её перед поездкой не хотел. Они же заливали, как в последний раз. Особенно Джули. Уже и глаза осоловели, а она продолжала нагоняться, неся чушь. Бурый смотрел на неё с понимающей улыбкой. Что-то вставлял в её речь. Петька попытался вступить в спор, но передумал. Пошёл к себе. Бурый поддержал, что пора разбредаться и вызвался помочь Джули доползти до комнаты. Она уже еле на ногах стояла, но отказывалась, что ей пора на боковую. Начала с Бурым препираться. Назревала ссора. Достала пистолет. Тут уже подключился я. Отобрал всё оружие, накидав его на стол. После этого Бурый взвалил её себе на плечо, как мешок, и отнёс в комнату.

Я остался один. На душе было как-то пусто и противно. Нет, это было не связано с Джули. Напилась и ладно. Но что-то меня в ней и в этом вечере цепляло. Я никак не мог понять с чем это связано. Вроде всё тихо и спокойно. Совместные посиделки перед поездкой, из которой можно было не вернуться. Но создавалось ощущение, что мы были на похоронах. Не было ощущения авантюры и предвкушения больших денег, за которыми мы собирались. Я воспри-

нимал это как работу. Обычную работу. Даже собираясь в плавание на рыболовном судне, у меня и то было больше интереса, чем сейчас. Может виной тому была Джули? Пустота в её глазах?

– Уснула, – сказал Бурый, притаскивая ещё один кувшин с пивом и разливая нам по кружкам.

– Я не пью.

– До кровати доползёшь, проспидишься. Ничего с тобой не будет, – ответил он. – Что думаешь о Джули? Ты плечами не пожимай. Она тебе рассказывала о поездке?

– В общих чертах, – ответил я.

– И что за общие черты? Я не из праздного интереса спрашиваю.

– Есть место, где много железа. Вот и всё, что мне известно. По жрачке едем надолго.

По патронам, там опасно. Но ты и так это понял, – я сделал глоток пива. Горькое, со вкусом брожения и ароматам хлеба.

– А её поведение? Тебя оно не настораживает?

– Нет. Должно?

– У неё в глазах пустота. И эта выходка сегодня.

– Думаешь хочет нас в ловушку завести? – спросил я.

– Не знаю.

– В этом нет смысла. Мы не такая крупная рыба, чтоб нас предавать. Может, если только ты, но делать такую сложную схему, чтоб поймать тебя глупо. Джули по мне малесенькая нервная. Она хоть и показывает, что крута до безобразия, а на деле обычная девка с кучей тараканов в башке.

– Тараканов? – насмешливо спросил Бурый.

– Говорят так про человека, у которого не всё с головой в порядке. Она себя сдерживала, пока мы для неё были чужаками. Сейчас вроде своими стали, вот Джули и расслабилась. А может причина в том, что она устала играть роль крутой начальницы. Вроде и пытается держать марку, но получается какой-то не адекват, – ответил я, поглядывая на порезанную руку.

– Но ты её терпишь. Я бы ей врезал, если она такое начала бы творить со мной.

– Она командир нашего отряда. Мы с этим согласились, когда подписывались на это поход. С командиром спорить при всех глупо. Или ты так не считаешь?

– Сила. Если командир её не может доказать, тогда он хреновый командир, – ответил Бурый.

– Команда – это не страх перед вожаком, а доверие и признание его власти, – возразил я. А пиво мне понравилось. Вроде и горькое, но после него мир менялся. Я не смог уловить, когда это произошло, но прошла осторожность. – Ты ей не доверяешь. Я сам к ней отношусь с настороженностью. Но пока это единственный путь выбраться нам из этой дыры. За то время, что ты здесь торчишь, а это довольно долго, ты не получил ни одного достойного предложения, чтоб хватило желаний вытащить зад из кабака, за исключением предложения от Джули. У неё есть машина, у неё есть деньги, есть данные, где эти деньги заработать. Этого нет у нас. Поэтому мы пока едем с ней. Играем роль собачек, которые признают её власть, но когда узнаем, где это золотое место, то и будем другие разговоры вести.

– Хочешь её кинуть?

– Надо смотреть по этому походу. Этот поход в никуда. Когда он обретёт координаты, тогда и будем думать. Но оставаться под командованием чокнутой девки я не намерен.

Бурый ничего не ответил. Я уже сам налил себе вторую кружку пива.

– Знаешь, в чём проблема горячих напитков?

– Они развязывают язык и показывают, что у человека на языке. Я в курсе. Не забывай, что раньше в кабаке работал. Но на тебя эта поговорка не распространяется.

– Вино почти не берёт. Когда долго на соке ивы сидишь, потом обычное вино становится как вода.

– На кой тогда переводить добро?

– По привычке, – ответил Бурый. – Если Джули будет дурить, я выйду из дела.

– Зачем ты мне это говоришь?

– За тем. Ты с ней мутишь.

– Это ничего не значит, – ответил я. И ведь правда. Для меня это ничего не значило. А что же тогда было важным? Важным было убраться из этого города. И так, чтоб ещё в плюсе остаться.

– Хорошо. Тогда будем смотреть по факту, когда достигнем цели, – ответил Бурый, допивая пиво и поднимаясь. – У меня ещё есть планы на этот вечер.

– Давай, – ответил я, забирая оружие Джули и собираясь подняться к ней.

Она спала в одежде, громко сопя на всю комнату. Голова свесилась с кровати. На полу лужа из рвоты. Гадость. Женщина ещё называется. Оставив оружие, я спустился вниз. Пока ещё было непоздно дойти до дома. Или здесь комнату снять. Время ещё было, чтоб решить. Дома меня встретит отец с матерью, которые станут отговаривать. Слушать мне это не хотелось.

Интересно, что раньше семья была для меня чем-то важным. Я считал, что родители – это святые люди, которых не стоит огорчать. При этом всегда их огорчал. Если я поступал так, как хотела мама в той жизни, то непременно огорчался отец и наоборот. В итоге меня словно разрывало на части. Здесь же я не чувствовал такой сильной привязке к родителям. Для меня они были теми, кто дал жизнь, но не более того. Я не хотел их слушать. Не хотел им подчиняться. Какие-то подростковые моменты вклинивались в жизнь в последнее время всё чаще. Это было и понятно. Я старался отвоевать свободу, которую проморгал в той жизни и мешали гормоны, что заявляли о себе всё это время.

– Говорят ты завтра уезжаешь? – ко мне подошла Света.

– Уезжаю. Хочешь со мной?

– Мне и здесь хорошо, – ответила она, звонко рассмеявшись.

– Рад за тебя.

– Что-то ты пасмурный. Раньше веселее был.

– Так развесели, – я покосился на неё.

– Когда закрою кабак, может и развеселю.

– Чего это может? Откуда такая неуверенность? – Я притянул её к себе, беззастенчиво лапая за зад. По её телу прошла дрожь. Ого, а Светик и вправду любила, когда её брали. Значит, нежность ей не нравится.

– После того как закрою, – поспешно сказала она.

Вот и пойми после этого женщин. А как же все эти рыцарские поступки и нежности? Я заказал ещё пива. Ещё в институте бегал за одной красоткой. Цветочки ей дарил со стипендии, стихи читал, а она пошла гулять с парнем, что в гараже жил при мотоцикле. Романтика с большой дороги оказалась интереснее стихов. Вот сколько я уже лет жил и так этого понять не мог. Потом были те, кто хотел богатого спонсора, а не мужа. Покупать внимание было глупо. А кто готов был это внимание дарить, те не проходили кастинг у матери. Может и правда эта вся романтика с цветочками никому не нужна была? А книги и фильмы – это всё развод на деньги? Может нужно брать? Как это происходило с Джули, когда мы развлекались без обязательств?

Я в тот вечер напился. Напился сильно. Но смог держаться на ногах. Мы поднялись к Свете в комнату, где пахло чистотой. Да и от самой Светы исходил запах чего-то ванильного. Как от сдобы. Я резко прижал её к двери и смял губы. Руки же стали избавлять от платья. Светик же застонала. А ведь и вправду ей нравилось. Я чувствовал это по дрожи её тела, по горячим поцелуям. С какого-то перепуга она хотела перехватить инициативу, но в этот раз игра была по моим правилам. Светик была не Джули, с которой мне ещё пришлось бы работать.

Да и зачем было её разочаровывать в ожиданиях? Она хотела, чтоб её поимели, значит, это нужно было сделать.

По глазам было видно, что Светик этого не ожидала. Испугалась. Но меня уже было не остановить. Алкоголь разгорячил кровь. Интересно какой у этого пива был градус? Явно выше, чем от пива в той жизни. Тогда какая крепость у ивовый настойки? Что-то вроде спирта? Но что она крепче первача была – это я слышал.

Думы о крепости местного алкоголя совсем не мешали мять большую грудь Светы. А платье скрывало такую красоту. Безобразие. Завелась Света быстрее, чем Джули. Отзывчивая. Может, поэтому и любит давать всем подряд. Нет, не всем. Тем, кто ей нравится. Тут своя политика. И сейчас я ей понравился. Одобрила. Ей не надо было говорить, что я от неё хочу. Пока я стягивал рубашку, она уже оказалась в кровати. Горячая, страстная, которой не нужна была отдача. Она и так неплохо своё брала, извиваясь подо мной. И опять я понял, что мне на неё плевать. Плевать понравится ли ей со мной или нет. Я хотел своё, я своё брал. Тем более она сама мне это отдавала. Здесь не было игры, что она позволяет. Это притворство закончилось, стоило нам закрыть дверь комнаты. И мне это понравилось...

– Ты кажешься другим, – сказала она, лёжа рядом. Вся влажная после наших развлечений. Неплохо так мы с ней поигрались.

– Каким?

– Более тихим.

– Знаешь, Светик, а внешность обманчива. Не суди по оболочке.

– Хочешь, чтоб я судила по твоим внутренностям? – рассмеялась она.

– Какая же ты дура. Хотя и горячая. Но дура. Видимо, идеала в этом мире нет.

Она обиделась, но долго обижаться я ей не дал. Какие могут быть обиды, когда она так легко велась на меня? Пара минут и ей уже хотелось продолжения нашего близкого знакомства, которое я не собирался прерывать.

Ночь, алкоголь, женщина, впереди неизвестность – и всё это пьянило куда больше, чем пиво и вино. Завтра может быть последний день, последний рассвет, последний закат, значит, надо прожить этот миг так, чтоб было о чём вспомнить, когда буду помирать.

Глава 6. Начало

Машина у Джули была по типу отечественной Шишиги с высокими колёсами, как у БТР, и длинным кузовом. Кузов накрывался тентом. Кабина была четырёхместная. Наверху стоял станковый пулемёт. Стекла были сделаны из пуленепробиваемого стекла. Сама кабина была бронированной. Машина легко взлетала по грунтовой дороге и мягко приземлялась. Сидения были комфортные. Как я понял они были сделаны для скоростных поездов, я читал в какой-то книге. А какой-то умелец переставил их в машину. Сидения легко откидывались назад, тело крепилось ремнями безопасности, поэтому мы не скакали во время пути по всей кабине.

Джули явно было плохо после вчерашнего, но она молчала. Сидела позади меня и дремала. Я ехал впереди, следя за локатором. Вёл машину Бурый. Из всех координат у нас было лишь расплывчатое «едем на восток». Мы и ехали.

До восьми моих лет в этом мире, семья часто путешествовала. Но это были всё же путешествия по постоянным дорогам в караванах, состоящих из автобусов и машин, люди в которых искали лучшей жизни или пытались наладить торговлю. Сейчас мы ехали по диким местам, что представляли собой проросшие травой земли. После дождя уже начали появляться свежие зелёные ростки, которые должны были сменить сухостой. Местами уже зацветали первые мелкие цветы. Через неделю всё вокруг должно будет превратиться в цветочный ковёр.

Я сам заметил, что рад выглянувшему солнцу и началу летнего сезона. Дожди успели надоест за это время.

Машина ехала на солнечной энергии, которую получала от батарей, что направляли её в аккумуляторы. Средняя скорость была километров сорок в час. Машина могла разогнаться и до шестидесяти, а при полном аккумуляторе и до семидесяти километров, но долго держать такой темп из-за низкой ёмкости батарей было сложно. Но мы особо никуда и не торопились.

Где-то к сиесте показались первые стада быков. Здоровые, размером со слона, мутанты бродили стадом в десять голов и паслись на свежей травке. В такой близости я их ещё не видел. После игры с генами, коровки сильно прибавили в размерах. Некоторые города их разводили. Организовывали выпас, но были и одичавшие особи, которые не стремились подходить к людям, предпочитая вольную жизнь. Это стадо лениво проводило нас взглядом и продолжило наполнять брюхо.

– Сколько мяса пропадает! – мечтательно сказал Петька.

– А ты попробуй его поймать, – предложил Бурый.

– Можно было бы охоту замутить. Кстати, а почему до нас эта идея никому в голову не пришла?

Слова Петьки вызвали смех в машине со стороны Бурого и проснувшейся Джули. Я же сам подумывал об этой идеи. Зачем куда-то ехать, когда можно замутить охоту на быка-переростка.

– Это же одичавшие. Они живут стадом. Дышат в такт, – ответила Джули.

– Если нападёшь на одного, то другие бросятся на защиту. Ты сможешь отбиться от всех? Вряд ли. Они машину перевернут и растопчет тебя вместе с оружием. На них если и охотится, то несколькими машинами. Двое отгоняют отбившегося от стада, другие держат на расстоянии его сородичей. Шкура у них довольно крепкая. Не каждая пуля пробьёт. Гонишь отбившегося, пока тот не выдохнется и пока не будет большое расстояние от стада. Тогда и можно добывать. Если добьёшь раньше, чем они перестанут за ним гнаться, то разделать тушу не дадут. Стадо будет мстить за своего сородича, – ответил Бурый.

– Как же с ними скотники справляются? – спросил я.
– Так тех с рождения к людям приручают. Заставляют слушаться. А так вся скотина дикая и с дерьмовым характером. Затаптать могут только так, – ответил Бурый.

– Скотинка с норовом, поэтому связываться с ней опасно, – согласилась Джули. Она достала сигареты. Приоткрыла окно, но салон всё равно наполнился дымом. Я закашлялся, за что получил косой взгляд Бурого.

– Чего?

– Ничего. Думаю, когда ты за сигареты возьмёшься.

– Даже не собираюсь. Не хочу лёгкие выплёвывать, – ответил я.

– А чего? Такое возможно? – встрепенулся Петька.

– Так дым на лёгкие влияет. Разлагает их, – ответил я.

– Ещё до этого дожить надо, – хмыкнула Джули. – Тут каждый день как последний.

– А если доживёшь? – спросил я.

– Тогда и буду смотреть. Блин, мне терять нечего. Загнусь от табака, так значит судьба.

Словлю пулю – плакать по мне некому. Да и здесь вы все такие же, как я. Одиночки, до которых никому дела нет.

– А вот не надо! У меня есть... – возразил Петька.

– Твоя баба рада была, что ты с её глаз смылся. Так что не трепи, – засмеялся Бурый.

– Тебе откуда это знать?! – возмутился Петька.

– Так она мне и сказала. Кто думаешь тебя сосватал к нам в группу? – насмешливо спросил Бурый.

– Хватит! – рявкнула Джули.

– Чего хватит? Мы и не собираемся ругаться, – насмешливо сказал Бурый.

– Смотри на дорогу, а не соревнуйся в юморе, – велела Джули, доставая вторую сигарету. – Это у тебя плохо получается.

– А кто сказал, что я юмору? – спросил Бурый.

Ему никто не ответил. Я предпочёл не развивать эту тему, а Петька чего-то притих. Машина везла нас вперёд. Бурый ориентировался по компасу. Я мониторил окружающие пространство. За исключением пяти стад быков и коз, нам никто не попался.

Во время сиесты жара стала давить на мозг. Казалось, что он готов расплавиться. Температура подскочила градусов под сорок. К этому времени Джули предложила поменяться. Она села за руль, а Петька за монитор. Окна открыли, чтоб кабину наполнил свежий ветер, но это не помогло. Воздух казался раскалённым.

– И как водители в автобусах терпят такую жару? – спросил я, вспоминая о своём желании покорять степи за баранкой автобуса.

– Никак. Приспосабливаются терпеть такую жару, – ответил Бурый.

– Мне там нравится систем проветривания, – сказала Джули.

– Какая? – спросил я.

– Дырки от пуль. Через них ветерок хорошо проветривает, – ответила Джули.

– Хочешь сказать, что автобусы без брони катаются? – спросил я.

– Не все города их бронируют. Это дорого и часто не окупается. Порой автобусы угоняют банды. А это убытки. Вот и обшивают машинки дешёвым железом, чтоб издалека они казались крутыми непробиваемыми крепостями.

– Я учился на бронированных.

– Тут не угадать. Сегодня тебе дадут крепость, а завтра корыто на колёсах. К тому же, если мальчишкам говорить, что они едут по степи с голой задницей, то будет мало желающих путешествовать между городами, – ответила Джули.

– Ты сэкономила на броне?

– Нет. Мне машина хорошая досталась, – ответила она.

Жуть какая. Почему человеческие жизни никогда не ценятся? Хоть в этом мире, хоть в моём прежнем? Везде экономия. А ведь человек растёт долго. Восемнадцать лет нужно, чтоб он смог на ноги встать. Но это никто не учитывает. Важно сэкономить на безопасности и потратить поменьше денег! Такое ощущение, что какой бы ни был век и эпоха, мышление людей мало изменится, как и ценность жизни. Сколько было песней и эпоса про героические смерти и сожаления, что кто-то выжил, а не остался там, на поле боя. По мне, так это было неправильно. Стремиться к смерти – это не знак равенства к бесстрашию. Да и бояться смерти это естественно. Это заложено в нашей природе, как и стремиться защитить себя. Поэтому мы и не идём в бой нагими под пули, а одеваем броню, поэтому пытаемся спрятаться и отбиться из-за укрытия, а не надеемся, что пуля пронесётся мимо. Тогда почему мы одновременно не ценим эту жизнь? Не ценим то время, которое нам отпущено? Экономим на железе, которое может остановить случайную пулю? Почему монетки всегда дороже человека? И никто не ответит на этот вопрос. Наверное, это заложено в нас природой. Эгоизм и подмена ценностей будет всегда выше, чем сопереживание и жалость. Или ты, или тебя. Никак иначе...

Мы остановились на привал после сиесты, когда температура начала спадать. Вышли из машины. Можно было и в машине перекусить, но нужно было размяться и пополнить фляги с водой из двухвёдерной баклажки, что болталась в кузове. Я быстро съел свой паёк. Присел на траву. От земли шло тепло. Над головой раздался писк. Птица кружила над нами, словно не понимала, что мы такие за звери. Или думала, не получится ли нами пообедать. Тишина. Спокойствие. Джули ботинки стянула и опустила ноги в траву. Петька забрался в багажник, убирая баклашку.

– Это чего? Получается ты с моей Любой спал?! – выпалил он, выскакивая из кузова с пистолетом-пулемётом на изготовку, и целясь в Бурого.

– Оружие опусти! – резко сказала Джули.

– Нет! Это получается он с Любкой развлекался! – расплылся Петька.

– Долго до тебя доходило, – рассмеялся Бурый, кладя руки на пояс. Со стороны показалось, что он принял позу руки в бока, а на деле сам готов был выхватить нож. Нет. Обманка. Он схватится за револьвер, что в кобуре.

– Как ты посмел! Это же Любка!

– Хоть Галка. Плевать.

– Убери ствол! – велела Джули, но Петька её, похоже, не собирался слушать.

Обида и злость так и читались на его лице. Он явно не мог поверить, что Бурый мог так подлю с ним поступить. А я честно не понимал, что тут за обиды. Если баба так легко в чужую кровать прыгает, то грош ей цена.

– Если ты не уберёшь оружие, то...

Джули не успела договорить. Бурый кинулся на Петьку. Тот нажал на курок. Пистолет-пулемёт выстрелил очередью. Бурый ушёл от выстрелов. Врезал Петьке. Тот попытался направить на него ствол, но Бурый был сильнее. Ствол оказался прижатым к шее Петьки. Я смотрел на это со стороны и даже не думал подходить. Мне было интересно, что предпримет Джули. Она же была у нас командиром. Хватит ей опыта остановить двух разъярённых мужиков или нет. На тренировках и за столом мы вели себя цивилизованно. Там были городовые, которые могли хорошо вразумить. А тут власть была лишь у неё. И она эту власть должна была доказать. Джули же хватило ума лишь направить ствол в затылок Бурому.

– Отпусти его, если не хочешь, чтоб я выстрелила, – велела она.

Глупо. Очень глупо с её стороны. Он же ей не простит. Бурый отпустил Петьку и отошёл в сторону. Зло сплюнул. Пнул ногой под зад противника.

– Иди, пройдишь, – велела Джули, продолжая держать палец на курке. – Остынь.

Бурый не стал с ней спорить. Пошёл в сторону ближайшего холма. Я же завалился на землю и закинул руки за голову. Так как было время передохнуть, то и нужно было этим временем воспользоваться.

Через какое-то время ко мне подсел Петька. Он обиженно хлопал носом. Зло сопел. Я же не обращал на него внимания.

– Почему ты не вмешался? – выпалил он, когда понял, что мне плевать на его присутствие рядом со мной и разговаривать я с ним явно не собираюсь. Правильно, если я с ним не разговариваю, то он заговорит со мной. Логика!

– В мои планы не входило словить пулю, – ответил я. – Тебе же всё равно было в кого стрелять.

– Он спал с Любкой!

– А тебе не всё ли равно? Петь, она там осталась. Если он и спал с ней, то это было там. Здесь же он тебе может спину прикроет. Ты же на него ствол наставляешь. Не хорошо это. Любка может сегодня другого найдёт почитателя её красот. И чего дальше?

– Она была...

– Была. Вернёшься и разберёшься со своей Любкой. А может другую найдёшь. При деньгах это будет несложно, – ответил я. – Прекращай ныть. У нас работа. Мы команда. А команда друг на друга оружие не наставляет. Забыл?

– Поехали. Нам ещё до ночёвки ехать и ехать, – крикнула Джули.

– Слушай, а почему нам не ехать и ночью? Можно по очереди везти? – спросил я, когда подошёл к ней.

– Вот ночь переночуешь, так поговорим, – ответила она. – А заодно проверим, кто из нас со стальными нервами. Петька оружие сдаёт.

– С какого?

– С такого. Нервный больно и шуток не понимаешь. Будешь за пулемётом сидеть, если потребуется. Я не хочу, чтоб тебе в голову пришла идея выстрелить в Бурого.

– У него кишка тонка выстрелить, – сказал Бурый, который вернулся уже в прежнем расположении духа.

– Я тебе сейчас покажу! – Петька сделал пару шагов, явно ожидая, что мы бросимся их разнимать. Но никто не пошевелился. Бурый насмешливо смотрел на него. Только в глазах мелькнула опасность. Он готов был Петьку голыми руками придушить.

– Хватит его задирать. Поехали, – велела Джули.

Драки не было. Бурый первым забрался в машину. Я последовал его примеру и сел за руль. Джули на минуту задержалась что-то выговаривая Петьки. После этого они сели в машину.

Никто не разговаривал. Между нами словно кошка пробежала. Это было плохо. Насколько я понимал, команда – это было что-то большее, чем кучка людей, что ехала в одном направлении. У Джули сплотить нас не получилось. Хотя, может, и не в ней была вина. Мы были слишком разные. А мотив поехать за деньгами в туманные дали был не таким уж объединяющим. Со стороны мы напоминали кучку придурков, которым не дорога жизнь, поэтому они и согласились поехать искать конец света, повторив путь сказочных героев, которые искали счастье на краю земли, где вода падает с обрыва в бездонную пропасть. Почему-то счастье обитало именно там. Я тогда удивился этой сказке, что взял в библиотеки. Правда, потом нашёл некоторое подтверждение о крае земли. Во время войны случился разлом, который разделил планету на два полушария, оставив два материка на одной стороне и один материк на другой. Связь между ними была потеряна. А если она будет когда-то восстановлена, то это будет точно чудо или для кого-то счастье. Считалось, что отправиться за счастьем на край света – это безнадёжная затея. Вот этим мы сейчас и занимались. Но хотелось верить в чудо, что слова Джули это не простое сотрясение воздуха.

Мы остановились за два часа до темноты. Я не понимал, почему не потратить это время на путь, но Джули настаивала, как и Бурый. Перекур. Ужин. После этого мы проверили тент. На окна были опущены дополнительные решётки. Окна закрыли, оставив тонкие щёлки. Напряжение словно витало в воздухе. Оно только больше усилилось, когда раздался рёв раненого быка.

После жаркого дня, что продолжало сушить землю, воздух был влажным и душным. Мы забрались в машину. Я оказался на заднем сидении, вместе с Бурым. Начинало темнеть. День выдался без сиесты, поэтому закрывались глаза. Я начал дремать. Петька о чём-то переговаривался с Джули. Под его бубнеж я и уснул.

А дальше всё напоминало фильм ужасов, когда какая-то ересь хочет забраться в гости к людям. Началось всё с шума. Шороха. Мало ли что шуршит. Я и не обратил на это особого внимания. Скрежет усилился. Удар сотряс машину. Она закачалась на рессорах. Я сразу открыл глаза. Сумерки сгустились, но ещё было всё хорошо видно. К тому же выглянула луна, которая освещала степь синеватым светом. Я не видел тварей, но чувствовал их присутствие. Было такое ощущение, что из темноты смотрят тысячи глаз. Тишина нарушалась скрежетом и топотом по кабине, кузову. Я слышал скрежет когтей об металл. Противный скрежет цепких когтей. Машина опять затряслась. Паника сжала сердце. Я забыл дышать. Не так давно мы с ребятами проверяли друг друга на смелость. Для этого нужно было забраться на водонапорную башню, которая, мало того, стояла на холме, так и была этажа так в четыре. Туда вела длинная лестница. Я туда полез. Забраться наверх было легко, а когда я посмотрел вниз, то понял, что такое страх. Так было и тут. Страх и паника сковывали тело. Я понимал умом, что мы находимся в кабине. Что здесь безопасно, но хотелось из этой кабины выскочить и побежать от опасности. В тот день, на высоте, я заставил себя взять в руки и начать спускаться. Когда я оказался на земле, то ноги и руки дрожали, но никто этого не заметил. Тут же нужно было лишь справиться с желанием бежать. Расстегнуть ремни безопасности и сбежать в пасть к чудовищам, которые плясали по машине...

Глава 7. Пустой город

– Если они так могут скакать, то почему в городе они по домам не ползают? – спросил я, пытаясь разрядить обстановку. Психологическое напряжение было на пределе.

– Там отпугиватели, – ответила Джули. – На машину ставить их хлопотно и дорого.

– Эти твари на психику воздействуют. Пугают, – сказал Бурый.

– Это я уже понял, что они на психику воздействуют. Вроде их не слышно, но одновременно и чувствуешь их присутствие. Они так и будут всю ночь крутиться вокруг нас?

– Похоже на то, – ответила на мой вопрос Джули.

– Как-то одного учёного вёз, который этих тварей изучал, – начал Бурый. – Так вот, он нам рассказывал, что твари носятся по степи, как саранча. Перелетают с одного места на другое. Когда видят какой-то крупный объект, то останавливаются на нём, облепляют со всех сторон. Пробуют сожрать. Если невкусно, то летят дальше, а на их место приходят новые твари.

– Но быки их не боятся, – сказал я.

– Нет. У скотины крепкая шкура. Они сбиваются в стадо, ложатся на брюхо головой внутрь и переживают эту саранчу, – ответил Бурый.

– Тишина. Ушли, – прислушался я.

– Стая ушла. На их место придут другие, – ответил Бурый.

– Это ещё не всё? – дрожа, спросил Петька.

– Ночь только началась, – усмехнулся Бурый.

Петька испуганно вздрогнул после его слов. Мы все боялись. Это была естественная реакция на происходящее. Наверное, только человек без нервов мог противостоять этой саранче. Но реакция Петьки мне не понравилась. Бояться и трястись – это разные вещи. Он же трясся.

Я опять закрыл глаза, пытаясь задремать, и вновь противное ощущение заставило меня аж подскочить на месте. Было такое ощущение, что кто-то разрезал живот и вытащил наружу внутренности. Теперь же проводил когтями по оголённым внутренностям, вызывая противную щекотку, от которой хотелось избавиться. Я понимал, что это всего лишь ощущения, но они были слишком реальными. Чтоб как-то избавиться от них, я ущипнул себя за руку. Боль смогла отвлечь от нервных окончаний, которыми игрались твари. Петьку трясло. Он схватил себя за лицо и тихо подвывал. Джули сидела тихо. Лишь губу прикусила. По подбородку стекала капелька крови. Я не успел посмотреть на Бурого. Резкий толчок машины и в лобовое стекло ударилось что-то тяжёлое. Красные глаза уставились на меня. Я забыл как дышать. Хотелось провалиться сквозь землю, оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Ужас сковывал мышцы. Внутри всё вибрировало. Нервы были на пределе. Звук. Крик. Плачь. Боль и отчаянье. Так не могло кричать животное. Это было что-то потустороннее, словно разверзлась земля, чтоб выпустить такую тварь, чтоб вытрясала душу своим криком. Ум перестал понимать, что такое реальность. Вокруг был лишь ужас, похожий на вязкий туман.

Я закрыл глаза. Если поддаться страху, то мне не жить. Я понимал это, а вот Петька не выдержал. Он сдавал.

– Мне надо выйти! – заверещал он.

– Сидеть! – рявкнула Джули, но он её не слышал.

– Я больше не могу! Не могу! – я услышал, как он дёрнул ремни безопасности. И опять этот противный вой, срывающийся на потусторонний крик.

– Слабак! – рявкнул Бурый, прикладывая его головой об дверцу машины. Петька попытался сопротивляться, но второй удар его окончательно выключил. – Больше никто не хочет погулять?

– Ты обо мне? Не имею такого желания, – ответил я, опять закрывая глаза. Джули ничего не сказала.

– А то я быстро...

– Тебе сказали, что нет. Чего тогда рычишь? – спросил я.

Внутренности свело от крика твари. Надо было отвлечься. Я пытался читать про себя стихи. Про ясное небо, тёплое солнце и девушку в лёгком платье, что собирала цветы. Вначале получалось стихок напоминал скороговорку. На третий раз я начал читать медленнее. Поле, цветы, девушка. А ведь красивый стих. Спокойный. Впереди неизвестность, позади проблемы. Стих же запечатлел момент, что есть что-то хорошее. Наверное, за такие моменты и стоило бороться, жить, держаться, воевать. Чтоб всегда было солнце, цветы, неуловимые улыбки, которые так и хотелось запечатлеть. Я цеплялся за каждую строчку в этом стихе. Неуловимая улыбка. Разве бывает такое? Неуверенная улыбка. Улыбка, которая появилась и тут же пропала? Или только её след? Когда девушка только думает улыбнуться, но не улыбается? Наверное, на этом поле пахло цветами и тёплой землёй. Этот аромат переплетался с её ароматом. Приехали. Теперь хотелось оказаться в этом месте, где девушка плела венки из синих цветов и хотела улыбнуться, но почему-то не решалась.

Твари никуда не делись. Они продолжали выть. Только я больше не обращал на них внимания. Кузов машины был крепким и прочным. Его нельзя было пробить какой-то тварью, если мы не откроем двери, но никто двери открываться не собирался. Здесь самоубийц не было.

Можно ли отвлечься от реальности настолько, что перестать её воспринимать? Можно, если задаться целью. У меня эта цель появилась. Я хотел оказаться на этом лугу. Мысленно я был там, а не в машине, облепленной чудовищами.

Утро я встречал в дреме. Вой прекратился незадолго до рассвета. Наступила зловещая тишина, которая была обманчивой. Они притаились и ждали, когда мы утратим бдительность. С первыми лучами солнца я увидел как колеблется воздух, от быстрого движения тварей. Трава колыхалась, словно от ветра. Твари уходили прятаться по норам.

Петька скулил, как побитая собака. Бурый сидел с хмурым лицом, похожим на застывшую маску. Джули плакала. Тихо. Беззвучно. Лишь слёзы текли по её щекам. Мы пережили эту ночь, но радости не было. Не сговариваясь, Джули решила отъехать от места нашей ночёвки. Она вытерла слёзы рукавом и завела машину. Я видел, что она нервничала. Машину виляло, но я не знал, как вёл бы её сам.

Мы остановились через несколько часов после рассвета, когда нам дорогу перегородила речка. Около неё росли мелкие кусты чем-то похожие на ивняк из моей прошлой жизни. Речка была неглубокой, но широкой. Я видел её дно, покрытое мелкими камнями. Холодная вода действовала как-то обжигающе, после стресса и жары. Петька ползал по траве. Джули с Бурым решили долить воды в баклажку. Я же сидел около реки и смотрел на то, как бежит вода. Только сейчас меня начало отпускать. Пришло понимание, что это была за ночь и каким чудом нам удалось её пережить.

– Вот про это и шёл разговор, – ответила Джули, подсаживаясь ко мне.

– Ты раньше ночевала в степи?

– С батяней. Нашу деревню порезали. Мы еле ноги унесли. Тогда трое суток прокатились в машине. Из жарчки – сигареты, и ведро воды. После этого на сигареты подседа, – она протянула мне пачку.

– Не надо. Так справлюсь.

– Как знаешь. Вроде помогает в себя прийти.

– У каждого свои обманки, – ответил я.

– Петька не пережил. Бурый предлагает его грохнуть.

– Бурый его и вчера хотел грохнуть.

– Вчера Петька слюну не пускал и в штаны не ходил. Это будет человечнее, чем оставлять его здесь на съедение тварям. Ночью они его сожрут.

– В город его отвезти?

– А кому он там нужен?

Я покосился на Петьку, который валялся в траве и выл, зарываясь лицом в траву. Я оставил Джули и подошёл к нему. Присел рядом с ним.

– Петь, ты как?

Он меня даже не услышал. Лицо перекошено. Безумный взгляд. По щеке текла слюна. На виске была струйка засохшей крови. Может это оттого, что Бурый его головой долбанул? Хотя... Какая разница. Петька уже в себя не придёт. Пусть это и была вина Бурого, но я не мог его винить. Петька хотел нас всех подставить. Сделать из нас корм. Бурый защищал свою жизнь. А сейчас? Сейчас Джули была права. Петька был никому не нужен, как и я, как и Бурый, Джули. Пустые люди, о которых некому будет вспомнить, если мы не вернёмся.

Я кивнул Бурому. Что-то говорить было лишнее. Мы съели завтрак, хотя аппетита не было. Петька травку жевал, изображая из себя козлёнка с мокрыми штанами. Человечность? А обречь его на вот такую жизнь было человеческим? У меня не было ответа на этот вопрос. Я не хотел брать на себя ответственность за жизнь Петьки. Не хотел брать ответственность за его смерть. Но мне пришлось взять эту ответственность, когда перед отъездом Бурый подошёл к Петьке. Три пули из автомата-пулемёта. Петька покачнулся и упал лицом в траву. Мы же сели в машину. В этот раз за рулём был я. Бурый сел рядом. Джули дремала позади.

Во время сиесты меня сменил Бурый. Джули села за руль к вечеру.

– Мы скоро будем на месте, – сказала она.

– И какие ориентиры? – спросил её Бурый.

– Координаты, – ответила Джули, сворачивая на девяносто градусов.

– Эту ночь будем опять в машине проводить? – спросил я.

– Возможно.

После этого я уснул. Нужно было восстановить силы. А во сне снился Петька, который валялся с простреленной головой на травке...

Город показался на закате. Пустые стёкла напоминали пустые глазницы. Часть крыш была словно срезана. Высокие антенны раскинули свои тарелки, как шляпы грибов.

– Это один из мёртвых городов? – поинтересовался я.

– Он самый, – с какими-то благоговением ответил Бурый. – Я не знал, что здесь поблизости есть город.

– Одно из сердец, – ответила Джули. – Военно-научная база. Люди её покинули десять лет назад, оставив бункера. Произошла разгерметизация лаборатории. Левый район закрыт. И туда лучше не лезть. По краю много всего вкусного валяется. Нам этого вполне хватит на долгую и сытую жизнь.

– Твой информатор не сказал, что в замороженном секторе, где была лаборатория? – поинтересовался я. – Хочется знать с чем имеем дело. Мало ли эта гадость нашла щель и выбралась в город.

– Вирус какой-нибудь, – ответил Бурый.

– Нет. Агрессивные растения, которые могли управляться людьми, – ответила Джули.

– Колючками кидаться и жевать людей? – спросил я.

– Типа того. На привал остаёмся здесь. Завтра поедем за железом в жилую часть города, – ответила Джули.

– Логично, что в темноту тащиться никто не будет, – ответил я.

Хлеб, мясо, стопка самогона. Я не отказался. Впереди была ещё одна вытаскивающая душу ночь и к ней нужно было подготовиться морально, заодно Петьку помянуть. Разговоров не было. Каждый сам по себе и в то же время вместе в этом безумном путешествии.

– Кто чем займётся, когда получит свою долю? – спросил я.

– А тебе это зачем? – подозрительно спросил Бурый.

– Интересно, куда можно вложиться, чтоб деньги не утекли из рук. Девчонки и вино – это круто, но шкурой каждый раз рисковать, чтоб их получить, как-то глупо. Надо их в дело вложить.

– Хочешь открыть бар? – предложила Джули. – Магазин оружия?

– Лучше бордель, – заржал Бурый. – На всё это нужны связи. Просто так в город приехать и открыть заведение вряд ли получится.

– А что может помешать? – заинтересовался я.

– Вань, ты головой думай, а не в облаках летай. Кто разрешит чужаку вести дела и отбивать клиентов у друзей?

– Если только пришлый не предложит более высокую ставку за покровительство. Ты это имеешь в виду?

– Возможно. Но в небольших городах больше ценят не деньги, а личную заинтересованность. Родственные и дружеские связи выше денежных.

– Чужаку для начала надо доверие завоевать, прежде чем дело открывать, – согласилась с Бурым Джули.

– Но когда ты набирала людей на это предприятие, то...

– Вань, я же не собиралась возвращаться в город. И металл продавать в вашем городе я не намерена. Он вам не нужен. Вот в Арке, там много мастерских, которые делают машины. Они металл из старых городов с руками отрывают. Сейчас хоть и стараются литейщики восстановить производство стали, но она получается более тяжёлой, чем металл в городах.

– Тогда почему людям не вернуться в города или не начать организовывать такие экспедиции за металлом на постоянной основе? – спросил я.

– Потому что единицы могут ночь в степи пережить. Бродяги ездят по проторенным маршрутам. Максимум в районе одного светового дня пути. Больных на голову мало, – ответил Бурый. – Бандиты свои базы располагают в полудне пути от трасс.

– Зброшенные города, до которых могли дотянуться руки уже разобраны по винтику, – добавила Джули.

– Слушайте, а почему люди не остались в городах? Ведь можно было разбить поля и огороды рядом с ними.

– Вот возьмём этот городок. Люди пытались здесь остаться, когда началась война. Здесь был хороший бункер, в котором могли переждать атаку снарядов вплоть до ядерных. Здесь жрачки было на тридцать лет с учётом трёхкратного перенаселения бункера. Но никто не учитывает человеческий фактор. Внутренняя война за власть, фанатизм и желание пострадать. Люди любят страдать, считая, что через свои и чужие страдания они искупят свои плохие поступки. Мир рушится на глазах. Что делать? Искать виновных. А кто виновные? Мы сами. Мы виноваты в том, что случилось. Но вместо того, чтоб признать вину и попытаться выжить в новом мире, рассказать детям, что делать так больше нельзя, извлечь урок из ошибок, безумный учёный распечатал лабораторию и стал приносить жертвы цветкам. Человеческие жертвы.

– Гадость какая! – я аж сплюнул.

– Она считала, что делает доброе дело, – ответила Джули. – Что таким методом спасёт человечество. Людям надо во что-то верить. Когда наука предаёт, когда предаёт правительство, то происходит переосмысление жизни и вера принимает какую-то извращённую форму.

– Ты из этого города. Но раньше не возвращалась, – сказал я.

– Родилась здесь. Мама наукой занималась, а отец мастером установок был. Но это давно было, пока она с головой дружила и не хотела меня на съедение цветочкам отправить. Посчитала, что я принесла в этот мир апокалипсис, раз родилась в год начала войны, – Джули выпила залпом стопку и поднялась. – Темнеет. Надо нам закругляться.

– Почему через столько лет ты решила вернуться? Надеюсь, не для того, чтоб нас в жертву цветочку принести? – спросил я, посмотрев на неё.

– Деньги. Здесь их можно заработать быстро, – ответила Джули.

– Разомнём ноги? – предложил Бурый.

– Давай, – согласился я.

Мы отошли чуть в сторону от машины. Город был небольшой, но мощный. Массивный и мрачный. Когда я смотрел в его сторону, то на ум приходило кладбище с мраморными памятниками, которые порой ставили в рост человека.

– Металл режем и тут же грузим. Мы с тобой этим занимаемся, Джули на страже. В любом случае не расслабляйся. Не нравится мне этот город. И Джули не нравится. Роба у неё грустная.

– Меня насторожило, если бы она была весёлая, – ответил я.

– Завтра можем натолкнуться на любую дрянь. Будь готов. По возможности прикрываем друг другу спины.

– Как и спину Джули.

– По возможности. Имеешь возражения? – Бурый покосился в мою сторону.

– Я тебе уже свою позицию по данному вопросу говорил, – ответил я. Бурый промолчал, но мне показалось, что он мне не особо поверил.

После самогона появилась лёгкость, а все проблемы стали казаться незначительными. Нервное напряжение начало отпускать.

– О чём вы там болтает? – как бы между делом спросила Джули.

– Да Бурый опытом делится, как девок при помощи денег и наглости кадрить, – ответил я, запрыгивая в машину и заваливаясь на сидение. Спать хотелось до безобразия. И желательно без кошмаров.

Кошмары пришли ночью, когда машина подсакивала на ухабах и куда-то неслась. Впереди были мутанты-цветы, которые нас хотели съесть, твари, Бурый с ножом около моего горла, плачущая Джули и вой. Я же отказывался открывать глаза. Вроде и понимал, что это всего лишь сон, но было всё равно не по себе. Когда машина перестала качаться, я открыл глаза. На лобовом стекле сидело что-то невообразимое и скалилось. Лапы, похожие на усы муравьёв скреблись по стеклу.

– Охренеть, – пробормотал я, снимая рубашку.

– Ты чего делаешь? – спросил Бурый.

– Нахрен мне на эту рожу любоваться? – завешивая рубашкой лобовое стекло изнутри, спросил я. – Откроешь так глаза и заикаться начнёшь.

– Это закроет нам обзор.

– Бурый, а тебе не наплевать? Закроет и ладно. Если тварь пробьёт стекло, что мало вероятно, то нам хана. Отбиться не получится. Любоваться же на её морду всю ночь я не намерен. Давайте спать. Завтра пахать целый день, – укладываясь поудобнее на кресле, ответил я.

– При таком звуке? Заснуть невозможно.

– Плевать. Не хочу на дрожь силы тратить, – ответил я, вновь засыпая, про себя повторяя стишок про поле, девушку с венком и загадочной улыбкой. Это было лучше, чем думать о гадости...

Глава 8. Черта

Эта ночь была другой. Хоть и плохо, но я всё же спал. Кошмары мучили, но я отстранился от них. Утро я встретил довольно бодрым, в отличие от Бурого и Джули, которые варились в живом кошмаре всю ночь. В этот раз мы ждали два часа после рассвета, чтоб все твари точно разбежались. Пока ждали, то освободили кузов машины, паёк перетащив в кабину.

– Джули, на кой тебе столько ящичков консервов? – спросил я.

– На всякий случай, – ответила она.

– Хочешь поехать в Верхние сады? – рассмеялся Бурый, а взгляд был настороженный.

– Думаю об Оазисе.

– Одно дело думать, а другое дело решить, куда поедешь.

– Давай для начала металл наберём, – сказала Джули. – Как наберём, так и будем думать, куда поедем.

– Темнишь.

– Если металла будет много, то поедем в Оазис. Если мало, то есть смысл тащиться в Сады, – ответила она.

– Почему? – спросил я.

– Чтоб окупить нашу поездку, – ответила Джули. – Работаем, а не языками треплем.

Работа. Мы поехали в сторону города. Возможно, когда-то давно он был красивым, состоящим из металла, железа, стёкла и пластика, но сейчас город вызывал сожаление, что эти времена прошли. Дома здесь были высокие. Самое маленькое здание было десять этажей. Самое высокое под сорок. Город закрывал отражающий экран, который сливался с пейзажем. Местами экраны были разрушены. В этих местах и виднелись части зданий. Как будто стали видны пиксели на экране телевизора.

– Нам нужно за этот экран? – спросил я.

– Да, – коротко ответила Джули.

Говорить в этом месте не хотелось. Мы были словно на кладбище, где лучше было молчать и думать о... Вечном? А что такое вечность. Смерть. Я помнил, как умирал. Помнил то странное ощущение, что сковало тело. Вечность. А была ли эта вечность?

Я протёр ладонями лицо. Уходить в философию было лишним. Что бы ни было Там, я был здесь. А значит надо было сделать так, чтоб продержаться в этой жизни подольше.

Я заметил в одном месте что-то вроде ворот, но Джули машину направила дальше в сторону дыры в экране.

– Ворота находятся под наблюдением. Я не знаю, кто остался в городе. И не хочу, чтоб о нашем появлении узнали раньше, чем мы захотим отсюда уехать. В идеале, чтоб никто не узнал, – ответила она.

– Локатор людей показывает? – спросил Бурый. Странно, что это его лишь сейчас заинтересовало, а не перед началом пути.

– Нет. Он заточен на поиск тепловых батарей.

– Значит, на поиск машин, – сказал Бурый.

– Ты слишком много от меня хочешь. Я не настолько крутая, чтоб машину оснащать по последнему слову техники.

– Я ничего не хочу. Думаю, на что мы можем рассчитывать.

– На удачу, – ответил я. И ведь правда, гарантии, что поход удался никто дать не мог.

Пустые улицы. Машин не было. Или их было мало изначально, или люди уехали на всём, что могло двигаться. На соседней улице виднелись следы аварии. Две машины столкнулись, а потом врезались в фонарный столб.

– Остановись здесь, – велел Бурый. – «Космос» – эта сеть баров прославилась тем, что делала обстановку под космический корабль.

– И из материала для космических кораблей, – понимающе сказала Джулия. Она остановила машину. Мы с Бурым вышли из машины. Перехватили поудобнее оружие. Бар находился на первом этаже высотки. Не знаю, что здесь произошло, но часть высотки отсутствовала. Вместо неё зияла дыра.

– Далеко не отходим. Не хватало, чтоб нам на голову чего-нибудь упало, – оглядывая бар, сказал Бурый. – Берём столы, стулья. Разрезаем их на мелкие детали, чтоб удобнее было в машине разместить. После этого возьмёмся за обшивку стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.